

(1700—1900 г. г.).

ИСТОРІЯ

69-го ПѢХОТНАГО

РЯЗАНСКАГО

ПОЛКА.



ТОМЪ I.

(1700—1804 г. г.).



СОСТАВИЛЪ

Капитанъ И. И. Шеленговскій.



Г. ЛЮБЛИНЪ.
Типографія А. Роздобы.
1909.



Высочайшее соизволение на печатание Истории 69-го пѣхотнаго Рязанскаго полка послѣдовало въ 14-й день Января 1904 года, по всеподданнѣйшему докладу Военнаго Министра, основанному на заключеніи члена Комитета Главнаго Штаба, Генеральнаго Штаба, Генераль-Лейтенанта Ореуса, представленномъ 22 Декабря 1903 года. Въ заключеніи этомъ сказано: „Изъ всѣхъ, бывшихъ у меня на разсмотрѣніи, исторій полковъ, трудъ Капитана Шеленговскаго представляется наиболѣе полнымъ, особенно въ отношеніи внутренней жизни полка и его дѣятельности въ мирное время. Авторъ, имѣвшій въ рукахъ многочисленныя матеріалы, использовалъ ихъ въ широкихъ размѣрахъ и изложилъ хорошо“.

ПАМЯТИ

НЕЗАБВЕННОГО ШЕФА И КОМАНДИРА

ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРИИ

Ивана Никитича

СКОБЕЛЕВА



Посвящаетъ

АВТОРЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

Исторія одного изъ старѣйшихъ полковъ русской арміи, какимъ является Рязанскій пѣхотный полкъ, это страница изъ исторіи возникновенія и постепеннаго развитія вооруженныхъ силъ Россіи со временъ Петра I-го, это, въ миниатюрѣ конечно, военно-историческое изслѣдованіе событій, наполнившихъ собою въ теченіи двухъ вѣковъ Европу и Азію, тѣхъ событій, которыя привели наконецъ Россію на степень великой, міровой державы.

Смотрѣть на исторію полка иначе, смотрѣть на нее, какъ на одинъ лишь перечень фактовъ, возстановляющихъ въ памяти данной части войскъ имена участниковъ громкихъ военныхъ событій и подвиги забытыхъ героевъ, въ этомъ только видѣть и понимать воспитательное значеніе исторіи полка, значить—заранѣе обрекать на худосочный ростъ всю русскую военно-историческую науку, во всей ея полнотѣ, оригинальной самобытности и поучительности для насъ, носителей славы и традицій русской арміи. Полкъ—это не случайно зародившійся органъ, функционирующий самостоятельно, отдѣльно отъ великаго цѣлаго—арміи; жизнь полка—это не проявленіе воли и нравственныхъ качествъ лица поставленнаго временно во главѣ его; жизнь полка—это жизнь цѣлаго народа, жизнь государства данной эпохи, съ которымъ армія связана неразрывно, какъ орудіе для выполненія историческихъ задачъ, предначертанныхъ на роду Провидѣніемъ. Всякое колебаніе, уклоненіе въ сторону отъ естественныхъ историческихъ путей, неминуемо отражается и на арміи въ полномъ ея составѣ; такъ было во времена династическихъ войнъ, такъ происходитъ и теперь, только еще замѣтнѣе, когда съ введеніемъ всеобщей воинской повинности связь арміи съ народомъ санкціонирована закономъ. Изучить столь великій, мощ-

ный организм, какимъ является русская армія, во всемъ его объемѣ, въ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ его дѣятельности, безъ предварительнаго, тщательнаго изслѣдованія составныхъ его частей, дѣло не сбыточное, путь ложный, который приводилъ не разъ уже къ опрометчивымъ выводамъ и сужденіямъ. При крайне бѣдной разработкѣ архивныхъ матеріаловъ и отчаянномъ состояніи нашихъ архивныхъ хранилищъ, находились люди, которые, не страшась гигантскаго, непосильнаго труда, дерзали выдавать за истину то, что съ исторической, строго научной точки зрѣнія, не выдерживало никакой критики. А лже-истины эти принимались за непреложные факты, къ нимъ пристегивали картинныя, потрясающія описанія сраженій, и исторія русской боевой силы готова. Отъ того то, такъ и долго, были въ тѣни богатѣйшіе образцы самобытнаго русскаго военнаго искусства. Но настало другое время. Усиленные труды, строго документальныя архивныя изслѣдованія послѣднихъ годовъ по части русской военной исторіи, разсѣяли во многомъ окутывавшій ее туманъ. Теперь, простъ и ясенъ путь, по которому надлежитъ слѣдовать, признана и вся необходимость раздѣленія труда, путемъ надлежащимъ образомъ составленныхъ полковыхъ исторій. При такой программѣ и задачахъ воспитательное значеніе полковой исторіи для части ничуть не уменьшится, а наоборотъ, оно возрастетъ, и имена однополчанъ, потрудившихся на пользу родного полка на мирномъ, или боевомъ поприщѣ, явятся прекраснымъ дополненіемъ къ работѣ архивной, самостоятельной, безъ тѣни фантазіи и повторенія старыхъ, избитыхъ, ложныхъ истинъ. Рязанскій пѣхотный полкъ, какъ и многіе армейскіе полки, не имѣлъ вовсе, до послѣдняго времени, своей, составленной полковой исторіи. Слабыя попытки въ этомъ направленіи, сдѣланныя въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, не оставили послѣ себя, сколько нибудь, маломальски, осязательныхъ слѣдовъ. Единственно только, короткая надпись на скобахъ Рязанскихъ знаменъ, этихъ нѣмыхъ свидѣтелей прошлой жизни полка, лаконически гласила:

„1703 годъ. Пѣхотный Ланга полкъ“.

Время сформированія полка въ 1703 году подтверждается всеми новѣйшими хрониками російской арміи, причемъ, событію

этому, предпосылается нижеслѣдующее поясненіе:*) въ декабрѣ 1703 года, бояриномъ Стрешневымъ, въ Москвѣ, сформированъ изъ рекрутъ пѣхотный Ланга полкъ, въ составѣ 10 ротъ.

Впослѣдствіи полкъ этотъ назывался полкомъ Равенштейна, а съ 1708 года—Рязанскимъ пѣхотнымъ.

Исходя изъ того, что всякая историческая справка цѣнна только при условіи свидѣтельствванія ея несомнѣнной важности документальными данными, обратимся къ источникамъ откуда составители официальныхъ и полуофициальныхъ хроникъ россійской арміи могли почерпнуть подобныя свѣдѣнія.

Къ сожалѣнію, ссылокъ на источники мы нигдѣ не находимъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только хронологическія таблицы пѣхотныхъ полковъ, которыя, говоря о сформированіи Ланга полка въ 1703 году, ссылаются на IV томъ, стр. 618, Свода Законовъ Россійской Имперіи и на Тетради Записныя всякимъ письмамъ и дѣламъ 1704—1706 г. г. Изданіе 1774 г., стр. 186.

Въ IV томѣ Свода Законовъ, стр. 168, находимъ: „Табель пѣхотнымъ полкамъ, которые нынѣ, въ 1711 году, обрѣтаются въ полевой арміи и въ Ингріи и отколь имъ дается жалованіе“.

Въ табели въ этой отмѣчено:

„Полкъ Рязанскій. Прежде въ полку былъ полковникъ Лангъ, а нынѣ Равенштейнъ. Жалованіе дается изъ Военнаго Приказа“.

Обращаясь къ тетрадамъ записнымъ, на стр. 185 и 186 читаемъ:

„Предѣленіе или постановленіе о дачѣ пѣхотнымъ и драгунскимъ полкамъ жалованія. Учинено въ Кіевѣ, въ бытность г. Стрешнева. Августа въ 17-й день, 1706 года“.

Въ постановленіи этомъ въ началѣ поименованы 26 пѣхот. и 2 драгун. полка, время сформированія которыхъ принято относить къ 1700 году, а далѣе слѣдуетъ:

*) а) Хроника Россійской Императорской арміи, составленная по Высочайшему повелѣнію. Изд. 1852 г. часть VI, стр. 201.

б) Хронологическія Таблицы пѣхот. полковъ. Изд. 1866 года.

в) Хронологическій Указатель постановленій, относящихся до устройства военно-сухопутныхъ силъ Россіи. 1550—1890 г. Составилъ Г.-Л. Баронъ Вячеславъ Штейнгель, стр. 27, 28.

„Полки, которые были тогда положены, въ томъ числѣ въ 30 полкахъ, и посланы съ Господиномъ Голицынымъ въ Польшу, Репнина генеральства:

Дениса Бильса, что былъ Захарія Кроа.

Левистона, что былъ Буковена.

Андрей Романовскаго.

„Новоприборные, что были въ Сѣвскѣ:

Ивана Конищева.

Василія Данилова.

Семена Нелидова.

Ефима Гульца.

„Итого въ Польшѣ 7 полковъ, а съ вышепомянутыми наличными 35 полковъ, да къ тому положено на тѣ 5 полковъ, которые тогда вновь велѣно набрать, итого всего 40 полковъ, а вмѣсто вышеозначенныхъ убылыхъ 7 полковъ, кои въ Польшѣ, 5 полковъ кои вновь тогда набраны, приложены въ помянутое определенное число въ 12 полковъ, изъ новоприбылыхъ полковъ то-ликое-жъ число, и того-жъ 12 полковъ, а именно:

„Въ С.-Петербургѣ. Ингермаландскій г. Меншикова.
Его-жъ Губернаторскій жилой. С.-Петербургскій г. Репнина.

Шанобена, а нынѣ, вмѣсто его, г. Головнина.

Чамберса, а нынѣ, вмѣсто его, Головина.

Ланговъ выборный.

Въ Нарвѣ. Титова, а нынѣ Фонъ-Фентейма.

Въ Нарвѣ. Юрію Буша.

Въ С.-Петербургѣ. Сибирскій.

Каргопольскій.

Полочанинова.

Филиппа Кара, сборный изъ Новгородскихъ пригородовъ.

„Итого 12 полковъ. Всего прежнихъ и ново прибылыхъ 40 полковъ“.

Этимъ и ограничиваются историческія справки хронологическихъ таблицъ. Не касаясь пока достоинства и значенія ихъ,

перейдемъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, произведеннымъ въ архивахъ С.-Петербурга и Москвы. Архивныя работы привели къ результатамъ никакъ не ожидаемымъ, совершенно отрицающимъ показанія хроникъ. Въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, среди различныхъ справочныхъ книгъ, ииѣется за подписью генераль-адъютанта Закревскаго „Росписаніе полкамъ Его Императорскаго Величества по старшинству сформированія ихъ“. Въ росписаніи этомъ, составленномъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1816 года, Рязанскій полкъ показанъ сформированнымъ въ 1700 году. Къ 1700-му же году относитъ сформированіе Рязанскаго полка князь Долгорукій въ своей хроникѣ россійской арміи, изданной по Высочайшему повеленію въ 1799 году.

Оба эти свѣдѣнія, хотя безспорно и официальнаго характера, но разъясняющими суть дѣла признаны быть не могутъ, ибо страдаютъ одиноковымъ съ новѣйшими хрониками недостаткомъ—отсутвіемъ ссылокъ на источники.

Но вотъ, въ томъ же Московскомъ Архивѣ находимъ перво-степенной важности подлинный документъ:*) „Полковая Книга. Списки и сказки Рязанскаго полка“. Въ книгѣ этой, скрѣпленной подписью полковника Юнгера, командовавшаго Рязанскимъ полкомъ съ 1715 по 1724 годъ, на первой же страницѣ читаемъ: „1720 года, Марта 29. Рязанскаго полку коликое число состояло съ прошлаго 700 года штабъ и оберъ-офицеровъ, урядниковъ и солдатъ и неслужащихъ чиновъ, ружей, мундировъ и всякаго арматуру по 711 годъ, о томъ справится не съ чѣмъ, понеже, полковыя книги, вѣдомости и записки въ прошломъ 705 году подъ Муръ-Мызою на баталіи пропали, а въ 711 году на Турецкой авціи отъ тягости сожжены. А съ 711 году и нынѣ въ полку состоитъ по 720 годъ.....“. Документъ этотъ неопровержимо удостовѣряетъ, что существуетъ связь между 1700-мъ годомъ и временемъ сформированія Рязанскаго полка. Относится къ этому документу критически не имѣемъ никакихъ основаній—по нижеслѣдующему: 1) полковыя книги, вмѣстѣ со сказками офицеровъ полка, составлялись по непосредственному повелѣнію Императора Петра Великаго, не только какъ документальныя данныя для полка,

*) Москов. Отд. Общ. Арх. Глав. Штаба. Опись 47, связ. 263.

но и какъ матеріалъ для задуманной Императоромъ „Гисторіи Свейской Войны“; 2) на счетъ вѣрности ихъ изданы строжайшія постановленія, угрожавшія чуть ли не лишеніемъ живота; 3) полковыя книги если и не разсматривались Императоромъ, горяче относившимся къ правдивому изложенію событій великой войны, то, во всякомъ случаѣ, провѣрялись въ Военной Коллегіи, которая не могла бы не обратить вниманія на столь крупное упущеніе, какъ ошибка на цѣлыхъ три года въ опредѣленіи времени начала полковаго лѣтосчисленія; 4) трудно допустить такую же ошибку, или забывчивость, полковаго писаря, Ивана Мусатова, стараго Рязанца, служащаго въ полку съ 1703 года, затѣмъ, и полковникъ Юнгерь, свидѣтель и участникъ всѣхъ событій великой войны, съ самаго ея начала, наврядъ ли положилъ бы свою подпись подъ столь важнымъ документомъ, не провѣривъ правдивости написаннаго, тѣмъ болѣе, что, въ данномъ случаѣ, это относилось исключительно къ показаніямъ полковаго штаба; 5) исключается и возможность умышленной ошибки, какъ не имѣющей ровно никакого смысла и основанія.

Что для опредѣленія времени сформированія Рязанскаго полка пользовались полковой книгой въ теченіи XVIII столѣтія и послѣдній разъ въ 1816 году при составленіи росписанія по старшинству полковъ арміи Его Величества—это несомнѣнно, но что въ 1833 году, когда явилось желаніе строго и навсегда регламентировать хронологическія данныя, касающіяся полковъ арміи, этотъ важный документъ не былъ принятъ во вниманіе, болѣе чѣмъ вѣроятно. 1833 годъ представляетъ собою рѣзкую грань, раздѣляющую два противоположныхъ взгляда: одному, начиная съ отдаленныхъ петровскихъ временъ, принадлежитъ—1700 годъ, другому, новѣйшему, вплоть до приказа по военному вѣдомству 18 марта 1884 года, установившаго правила счисленія старшинства пѣхотныхъ полковъ,—1703 годъ. Последнему взгляду противопоставимъ пока приведенной выше полковой документъ, какъ самый неоспоримый, затѣмъ, займемся тщательнымъ изслѣдованіемъ источниковъ, указанныхъ въ хронологическихъ таблицахъ пѣхотныхъ полковъ.

И такъ, табель о дачѣ полкамъ жалованія вовсе не разъясняетъ времени сформированія полка, это очевидно; самое большое,

что хроники могли извлечь и дѣйствительно извлекли оттуда, это то, что былъ полкъ Ланга, который впослѣдствіи названъ Рязанскимъ пѣхотнымъ полкомъ; полкомъ же Равенштейна онъ никогда не назывался, ибо Равенштейнъ вступилъ официально въ командованіе въ то время, когда полку присвоено было уже наименованіе „Рязанскій“. Но, какъ увидимъ впослѣдствіи, и Лангъ, имя котораго съ 1833 года красуется на скобахъ Рязанскихъ знаменъ, не былъ первымъ командиромъ полка, значеніе же табели все таки большее, но только не при условіяхъ поставленныхъ хрониками.

Дѣло въ томъ, что Петръ Великій, стремясь къ равномерному распредѣленію тягостей по содержанію войскъ государствомъ, росписалъ, въ 1711 году, всю армію по губерніямъ, и опредѣлялъ какіе полки и изъ какой губерніи получаютъ все имъ необходимое. Въ выпискѣ, учиненной въ Правительствующемъ Сенатѣ, читаемъ:*) „По Именному Его Величества указу, который писанъ собственною Его Величества рукою въ С.-Петербургѣ 14-го и въ ближней канцеляріи объявленъ 19-го Генваря 1711 года, велѣно раздѣлить по губерніямъ полки, первые въ арміи будущіе, потомъ гарнизонные, по даннымъ табелямъ, потомъ флотъ, посольскую канцелярію и артиллерію..... а въ табели, какова отъ Его Величества изъ С.-Петербурга объявлена въ Военной Коллегіи, написано: кавалеріи 33, инфантеріи 42 полка, *а порознь, какими званіями, какъ кавалерійскіе, такъ и инфантерскіе, въ томъ списокъ именно не написано*“. Обойтись безъ точнаго наименованія полковъ при распредѣленіи ихъ по губерніямъ нельзя было. И вотъ читаемъ тамъ же: „По Именному Его Величества указу, дана изъ Его Императорскаго Величества Кабинета въ ближнюю канцелярію, черезъ секретаря Господина Макарова, табель о званіи полковъ кавалеріи и инфантеріи. Февраля 2-го дня, 1711 г.“.

Въ табели написано: „Инфантеріи:

- | | |
|--------------------|----------------------|
| 1. Преображенскій. | 2. Семеновскій. |
| 3. Лефортовскій. | 4. Бутырскій. |
| 5. Московскій. | 6. Ингерманландскій. |
| 7. Кіевскій. | 8. Троицкій. |

*) Москов. Отд. Общ. Арх. Глав. Штаба. Опись I, связ. 213, стр. 172, 173.

- | | |
|----------------------|-------------------------|
| 9. С.-Петербургскій. | 10. Владимірскій. |
| 11. Новгородскій. | 12. Шлюссельбургскій. |
| 13. Казанскій. | 14. Астраханскій. |
| 15. Сибирскій. | 16. Псковскій. |
| 17. Смоленскій. | 18. Азовскій. |
| 19. Тверской. | 20. Воронежскій. |
| 21. Нижегородскій. | 22. Черниговскій. |
| 23. Бѣлогородскій. | 24. Рязанскій. |
| 25. Саксонскій. | 26. Ростовскій. |
| 27. Луцкій. | 28. Архангелогородскій. |
| 29. Ярославскій. | 30. Пермскій. |
| 31. Бѣлозерскій. | 32. Вятскій. |
| 33. Вологодскій. | 34. Нарвскій. |
| 35. Тобольскій. | 36. Устюжскій. |
| 37. Кіевскій. | 38. Олонецкій. |
| 39. Ивангородскій. | 40. Копорскій. |
| 41. Ямбургскій. | 42. Сибирскій. |
| 43. Переяславскій. | 44. Галицкій. |
| 45. Баргопольскій. | |

„А по словесному объявленію секретаря г. Макарова, что въ табели званіе въ вышеписанныхъ полкахъ писано по табели же прошлыхъ лѣтъ, а по нынѣшней же табели, которая объявлена въ ближней канцеляріи въ консилиі, Генваря 19 дня, 1711 года, о званіи полковъ Его Императорскаго Величества въ Кабинетѣ вѣдомости нѣтъ“.

Такимъ образомъ, списокъ пѣхотнымъ полкамъ, вошедшій въ табель 1711 года, (Св. Зак. Россіи. Импер. т. VI, стр. 618) по вновь составленъ, ради раздѣленія полковъ по губерніямъ для выдачи имъ жалованія и проч., а только выписанъ, ради этихъ причинъ, изъ бумагъ прошлыхъ лѣтъ, хранящихся въ Кабинетѣ Его Царскаго Величества. Поэтому, всѣ добавленія къ наименованіямъ полковъ, въ родѣ Ланга, Равенштейна, встрѣчаемыя въ табели 1711 года, должны быть признаны дописанными впоследствии, и окончательными данными, какъ увидимъ, служить не могутъ. Табель 1711 года сохранила только, нумерацію подлинника въ какомъ полки распределены по списку.

Обстоятельство это вовсе не случайное, а сама нумерация не произвольная.

Въ рѣшеніи Военной Коллегіи о старшинствѣ полковъ Бутырскаго и 1-го Московскаго читаемъ:*) „Вслѣдствіе рапорта Генерала и Кавалера Левашева, 10 Декабря 1744 года, кому отдать старшинство—Бутырскому, или 1-му Московскому пѣхотному полку, Ея Величество указала: всѣ дѣла такимъ порядкомъ чинить, какъ было при Петрѣ Великомъ, и чтобы полки одинъ передъ другимъ старшинство знали, и при случаѣ, въ парадахъ, а особливо, ежели, какъ случится, въ корѣ де баталіи стать, споровъ не имѣли, и отъ того бы какихъ конфузій не произошло, вновь въ полкахъ подтвердить, едва при полкахъ прежнее росписаніе изъ памяти не вышло. А по справкѣ въ Военной Коллегіи, въ табели 1711 года написаны послѣ гвардіи пѣхотные полки: 1. Лефортовскій, что нынѣ 1-й Московскій. 2. Бутырскій. 3. Московскій. 4. Ингермаландскій. 5. Киевскій. 6. Троицкій. 7. С.-Петербургскій. 8. Володимірскій. 9. Новгородскій. 10. Шлюссельбургскій. 11. Казанскій. 12. Астраханскій. 13. Сибирскій. 14. Псковскій. 15. Смоленскій. 16. Азовскій. 17. Воронежскій. 18. Нижегородскій. 19. Черниговскій. 20. Рязанскій. 21. Ростовскій. 22. Великолукскій. 23. Архангелогородскій. 24. Ярославскій. 25. Пермскій. 26. Бѣлозерскій. 27. Вятскій. 28. Вологодскій. 29. Нарвскій. 30. Тобольскій. 31. Невскій. 32. Копорскій. Старшинство имѣть, какъ въ объявленной 1711 г табели написано“

Такимъ образомъ, надлежащее разсмотрѣніе Табели 1711 г. устанавливаетъ взглядъ, который вовсе не имѣлся въ виду составителями хроники Рязанскаго полка. И дѣйствительно, Императоромъ Петромъ Великимъ опредѣлено полку по старшинству 24 мѣсто въ семьѣ старыхъ полковъ русской арміи, считая въ томъ числѣ полки гвардіи, Лефортовскій, Троицкій и друг., которые нынѣ расформированы. Порядокъ этого старшинства признавался въ теченіи всего XVIII столѣтія и послѣдній разъ его встрѣчаемъ въ 1816 году, когда былъ объявленъ списокъ полкамъ Его Императорскаго Величества по старшинству. Въ настоящее время хроники, а за ними и приказъ по военному вѣдомству 18 марта

*) Москв. Отд. Общ. Арх. Глав. Штаба. Опись 119, связ. 27, стр. 674.

1884 года, ставятъ Рязанскій полкъ по старшинству 31-мъ, не считая гвардіи. Мало того, тотъ же приказъ, опредѣляя старшинство полковъ сформированныхъ въ 1703 году, ставитъ 1-мъ полкъ Нарвскій, 2-мъ Старонингермаландскій, 3-мъ Витебскій и 4-мъ Рязанскій. Между тѣмъ, какъ видно изъ табели Петра Великаго, Нарвскій полкъ по старшинству занимаетъ 34 мѣсто, Тобольскій 35-ое, Витебскій же, бывший Скрипицына, а потомъ Копорскій, одинъ изъ послѣднихъ по старшинству среди петровскихъ полковъ, но мѣсто это въ настоящее время отведено Рязанскому полку. Постараемся теперь доказать, что и полковникъ Лангъ не былъ первымъ командиромъ Рязанцевъ, какъ это говорятъ хроники, а слѣдовательно и дописка о двухъ полковыхъ командирахъ внесена въ табель только въ 1711 году. Обстоятельство это чрезвычайно важно для опредѣленія времени сформированія полка. Разъясняя подобный вопросъ, необходимо однако постоянно имѣть въ виду, что мы касаемся времени, когда полки назывались по фамиліямъ своихъ командировъ, и что съ уходомъ этихъ послѣднихъ прежнее наименованіе полковъ терялось окончательно, безвозвратно. При такихъ порядкахъ не легко отыскать нить, которая привела бы къ началу сформированія части. Здѣсь не можемъ, и не будемъ имѣть дѣла съ Высочайшими указами, или же указами правительственныхъ учреждений, но все же таки постараемся основать свои сужденія на документахъ серьезныхъ, избѣгая всякихъ бездоказательныхъ предположеній.

Начнемъ съ тетрадей записныхъ всякимъ письмамъ и дѣламъ, второму послѣ табели 1711 года важному документу, на который ссылаются хроники.

Составители хроникъ, выхватывая изъ тетрадей записныхъ гадательное опредѣленіе, что Рязанскій полкъ, какъ вновь набранный послѣ 1700 года, и поставленный въ списокъ вмѣстѣ съ полками сформированными въ 1703 году, непременно и самъ долженъ былъ быть сформированнымъ въ томъ же году, почему то не обратили никакого вниманія на отмѣтку противъ полка Ланга „выборный“. Конечно, отмѣтка эта требовала основательныхъ изслѣдованій, хроники же имѣли готовую, давно опредѣленную дорогу: Рязанскій полкъ сформированъ въ 1703 году, а такъ какъ

послѣ 1700 года поставкою дальнѣйшихъ укомплектованій вѣдалъ въ Москвѣ Тихонъ Стрешневъ, значить, имъ же, въ Москвѣ, разумѣется изъ рекрутъ, набранъ Рязанскій полкъ, въ 10 ротъ и проч. Для насъ же, между тѣмъ, названіе полка „выборныиъ“ послужило именно руководящей нитью, при помощи которой мы смѣло пошли на встрѣчу затрудненіямъ и, нынѣ, можемъ приподнять завѣсу, скрывающую самый важный моментъ въ жизни Рязанскаго полка.

Названіе „выборный полкъ“ впервые встрѣчаемъ въ постановленіи собора 1642 года, вызвавшемъ сформированіе въ томъ же году 2-хъ Московскихъ выборныхъ полковъ солдатскаго строя Лефортовскаго и Бутырскаго. Фонъ Бриксъ, въ своей исторіи старыхъ русскихъ учрежденій, отъ древнѣйшихъ временъ до сдѣланныхъ Петромъ Великимъ измѣненій, пишетъ, что выборные полки носили такое названіе потому, что пополнялись людьми изъ московскихъ стрѣльцовъ. Подобное опредѣленіе будетъ вѣрно, пожалуй, лишь во всемъ томъ, что касается первоначальнаго устройства выборныхъ полковъ т. е. ихъ формировація; впоследствии же, выборные полки, какъ свидѣтельствуется Гордонъ, комплектовались не изъ стрѣльцовъ, а изъ вольныхъ охочихъ людей, какъ и всѣ солдатскіе полки съ самаго начала ихъ организаціи.

Выборные полки, что доказываетъ самое ихъ названіе, набранные изъ лучшихъ, подготовленныхъ къ ратному дѣлу людей, соответствовали понятію Петра Великаго о войскѣ регулярномъ и, вмѣстѣ съ полками Преображенскимъ и Семеновскимъ, послужили образцомъ для формировація новыхъ частей, замѣнившихъ собою прежнихъ стрѣльцовъ и полки пѣхотные и кавалерійскіе иноземнаго строя.

Указъ 1699 года, повелѣвающій собрать со всего государства людей даточныхъ въ солдаты, былъ первымъ крупнымъ шагомъ къ прекращенію всякихъ импровизацій въ дѣлѣ устройства „прямого, регулярнаго войска“. Все подводится подъ одну мѣрку; временно вызываются еще на службу вольные, охочіе люди, но уже запасъ старыхъ рейтаръ, конейщиковъ и войскъ помѣстныхъ идетъ на пополненіе убыли въ полкахъ и для новыхъ формированій безъ всякаго особаго наименованія ихъ, въ родѣ, какъ, выбор-

ный полкъ и др. Присвоеніе поэтому одному лишь Ланга полку названія „выборный“, какъ отмѣчено въ спискѣ Стрешнева, составленномъ въ 1706 году, допускало множество толкованій.

Первымъ, разъясняющимъ суть дѣла документомъ должна быть признана — „Табель 1708 года полкамъ пѣхотнымъ, которые устроены въ 700 году и послѣ ... и нынѣ обрѣтаются въ походѣ и какъ въ 700 году оныя полки устроены были по рангамъ, у котораго генерала въ командѣ, и подѣ которыми именемъ полковника, и нынѣ оныя подѣ чьими именами.¹⁾ Въ табели этой, въ графѣ — „послѣ устроены“, и подѣ чертою „прежде были“, отмѣчено: „изъ старыхъ полковъ Ланговъ“. Двѣ столь важныя отмѣтки, какъ „выборный“ и „изъ старыхъ полковъ Ланговъ“, заставили безповоротнo отвергнуть сужденія хроникъ и искать объясненія въ бумагахъ непосредственнo исходящихъ отъ полка.

Несмотря на потерю полкомъ всѣхъ документовъ, относящихся къ первымъ днямъ его существованія, истина можетъ быть вполнѣ точно восстановлена по опискамъ Рязанскаго пѣхотнаго полка, которыя, такимъ образомъ, являются цѣннымъ дополненіемъ къ тетрадямъ записнымъ и къ табели 1708 года. Въ книгѣ описокъ составленной, какъ говорено выше, въ 1720 году, мы не нашли ни одного офицера, начавшаго службу въ 1703 году въ Ланга полку. Названіе „Ланга полкъ“ встрѣчаемъ только начиная съ 1706 года; затѣмъ, семь человекъ самыхъ старыхъ офицеровъ полка пишутъ, что, въ 1703 году, по разбору Свѣтлѣйшаго Князя Александра Даниловича Мепшикова, перенедены изъ полковъ Ивана Трейдена, Трейдена и Ильи Бильса въ *Купоровъ полкъ* и служатъ въ немъ безъ перерыва до 1720 года т. е. до того времени, когда Купоровъ полкъ давно уже носилъ названіе Рязанскаго²⁾. Что до Ланга Рязанскій полкъ именовался полкомъ Купора видно и изъ другихъ документовъ: „1705 года, іюня 12 дня“, читаемъ въ старой рукописи о походахъ фельдмаршала Шереметова³⁾, „въ Полоцкѣ, на военномъ совѣтѣ, опредѣлено: Шереметову идти въ походъ, въ Курляндію, противъ шведскаго генерала Левингопта

¹⁾ Государств. Арх. Дѣла Кабинета Петра I, отд. 2, кн. 6, стр. 989.

²⁾ Москов. Отд. Общ. Арх. Глав. Штаба № 15, 17.

³⁾ Воен. Учед. Арх. Глав. Штаба. Отд. I, № 8.

три драгунскими бригадами, да подъ командою г.-м. Чамберса пѣхотнымъ 3-мъ полкамъ: Шанбекову, Лангову и Повишеву“. Походъ этотъ привелъ къ несчастному для насъ сраженію 15 іюля подъ Муръ-Мызою.

Нѣсколько иначе, но только въ отношеніи наименованія Ланга полка, говоритъ „Юрналъ“ Петра Великаго объ этомъ событіи. Въ Юрналѣ, за іюнь 1705 года, читаемъ: „подъ шведскаго генерала Левингонта въ Курляндію опредѣлено идти 3-мъ драгунскимъ бригадамъ и генералу Чамберсу съ 3-мя пѣхотными полками съ Шанабековымъ, съ Купоровымъ и съ Повишевымъ“. Далѣе, Юрналъ, не расходясь ни въ чемъ съ Шереметовской рукописью, замѣняетъ только вездѣ полкъ Ланга полкомъ Купора.

Участіе Рязанскаго полка въ сраженіи подъ Муръ-Мызою установлено по всѣмъ архивнымъ документамъ, въ сраженіи этомъ участвовало только три пѣхотныхъ полка, а слѣдовательно должна же существовать связь между полками Ланга и Купора.

Объяснить это противорѣчіе вовсе не трудно. Юрналъ велся при Особѣ Царя, рукопись же составлена позже. Кромѣ того, съ перемѣною командира, прежнее наименованіе полка оставалось нѣкоторое время просто въ силу привычки, а лица и учрежденія, стоящія далеко отъ полка, не всегда своевременно могли получать свѣдѣнія о замѣнѣ командировъ. Фамилія полковника Купора упоминается въ сказкахъ Рязанскаго полка въ промежутокъ съ 1703 по 1705 годъ; тотъ же полкъ названъ полкомъ Купора въ предположеніи фельдмаршала Огильви о составѣ регулярной пѣхоты и конницы россійской арміи, 12 октября 1704 года¹⁾ и тѣмъ же названіемъ отмѣченъ въ табели полковъ, находившихся при Гродно, 4-го Ноября 1705 года²⁾. Съ 1706 года фамилія Купора совершенно исчезаетъ и вслѣдъ за ней появляется фамилія Лангъ, который смѣнилъ въ командованіи полкомъ полковника Купора. Фактъ, подобный приключившемуся съ Рязанскимъ полкомъ, исчезновеніе фамиліи перваго командира, навѣрное не былъ единственнымъ въ русскій арміи; такъ напримѣръ, въ той же книгѣ сказокъ находимъ показаніе, что полкъ Ильи Бильса первоначально

¹⁾ И. Устряловъ. Приложенія. 6, стр. 478—479.

²⁾ И. Устряловъ. т. VI, ч. I, глав. XVII, стр. 450.

носили названіе полка Гундермарка, а между тѣмъ, по табелямъ фамиліи этой въ числѣ полковъ сформированныхъ въ 700 году, не встрѣчаемъ. Возстановивъ фамилію перваго командира, легко уже разрѣшить существенный для насъ вопросъ о времени и порядкѣ сформированія полка.

Сказка капитана Ивана Кишкарина содержитъ на этотъ счетъ самыя положительныя указанія, за что и имя этого офицера должно быть съ великою благодарностью воспоминаемо однополчанами, доколѣ будутъ существовать Рязанцы.

Старыхъ выѣздовъ, Иванъ Кишкаринъ, послѣ смерти отца, остался въ малыхъ лѣтахъ на государевомъ, сиротскомъ, жалованіи и въ 197 году, по разсмотрѣнію боярина Князя Василя Васильевича Голицына, произведенъ въ прапорщики, въ Московскіе полки. Въ 204 году Кишкаринъ отъ боярина князя Федора Семеновича Урусова пожалованъ былъ въ капитанъ-поручики, но, при общемъ реформированіи арміи, въ 1700 году, взятъ въ солдатское ученіе и написанъ вновь первымъ чиномъ прапорщика въ полкъ полковника Ильи Бильса. „Въ 703 году“, пишетъ Кишкаринъ, съ Свѣтлѣйшемъ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ ходили въ Корели, подъ Канцы и, когда Свѣтлѣйшій Князь А. Д. Меншиковъ *выборомъ изъ трехъ полковъ составлялъ одинъ полкъ, оной полкъ написанъ, а оной полкъ врученъ былъ полковъ у Купору*“.

Бол точнаго опредѣленія, разъясняющаго суть списка Стрешнева, т ели 1708 года и сказокъ прочихъ офицеровъ Рязанцевъ, т но было бы найти. Изъ книги же сказокъ видно, что выборны для полка Купора послужили полки: Ильи Бильса (25 пѣх. Сь энскій); Ивана Трейдена (старшинство 36 пѣх. Орловскаго и а) и Трейдена Матвѣя (15 пѣх. Шлюссельбургскій), причемъ ыборъ произведенъ княземъ А. Д. Меншиковымъ чаменьше роты. Это послѣднее обстоятельство подтверждается : же ссылкой полковой книги на 1700 годъ, съ коего надлежити читать — списочный составъ полка Купора, состояніе въ немъ ужей, мундиру и всякой арматуры, оно же указываетъ и годъ ршинства полка Купора, *1700 годъ*, равный старшинству по въ Бильса и Трейденовъ.

Сформированіе полка *выборомъ* могло состоятся лишь въ крѣпости Шлюссельбургѣ, гдѣ А. Д. Меншиковъ былъ губернаторомъ (комендантомъ), и произведено въ первые три мѣсяца 1703 года, по крайней мѣрѣ, въ списокѣ полковъ, выступившихъ изъ Шлюссельбурга 23 апрѣля 1703 г. для покоренія Канецъ и въ операціяхъ противъ этой крѣпости, Бупоровъ полкъ показанъ совершенно организованнымъ*).

Возстановленіе старшинства Рязанскаго полка официальнымъ путемъ, равно какъ и обстоятельство, сопровождавшихъ его сформированіе, одинаково дорого, какъ въ интересахъ исторической правды вообще, такъ и въ интересахъ дорогого намъ всѣмъ прошлаго родной русской арміи.

И. И. Шеленговскій.

23-го Февраля 1902 года
гор. Люблинъ.

*) Государст. Арх. Кабинет. Дѣла: отд. I, кн. 17, л. 14.

Г Л А В А I.

СФОРМИРОВАНИЕ ПОЛКА.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ И НЕУДАЧИ.

(1700—1706 г. г.)

19-го августа 1700 года Россія объявила войну Швеціи. По старому обычаю, на Постельномъ крыльцѣ царскаго дворца въ Москвѣ, прочитанъ нижеслѣдующій указъ данный Разряду: „Великій Государь указалъ“, гласилъ онъ¹ „за многія неправды свейскаго короля и въ особенности за то, что во время Государева шествія черезъ Ригу отъ рижскихъ жителей чинились ему многія противности и неприятели, идти на свейскіе города ратнымъ людямъ войною“. Величіе, могущество Россіи, мѣсто для нея среди первоклассныхъ державъ Европы, могли быть достигнуты не иначе, какъ только съ бою, упорной, кровавой борьбой. И на борьбу такую рѣшился Великій Царь Россіи.

Недавно лишь перестроенная русская армія, набранная изъ старыхъ рейтаръ, копейщиковъ, драгунъ, даточныхъ и вольныхъ охочихъ людей, должна была помѣриться силами съ лучшими въ то время и прекрасно обученными шведскими войсками. Цѣлью похода объявлена Нарва.

Туда, въ сердце Ливоніи: взять Нарву, завоевать Дерптъ, Пернау, а тамъ, быть можетъ, и Ревель и Ригу, добраться къ берегамъ Балтійскаго моря,— таковы были грандіозные замыслы Царя Петра Великаго.

22-го августа выступили въ походъ изъ Москвы въ командѣ генерала Ав. М. Головина родоначальники нынѣшнихъ Рязанцевъ-

полки Бильса и Трейдена и въ половинѣ октября стали лагеремъ подъ Нарвою, на лѣвомъ берегу рѣки Наровы, въ центрѣ общаго расположенія русской арміи.

Началась памятная осада крѣпости, закончившаяся 19-го ноября полнымъ разгромомъ молодой русской военной рати. Оды лишь гвардія, да полки команды Головина отступили безпрепятственно съ оружіемъ въ рукахъ; все остальное погибло. Но эта первая неудача не смутила русскаго Царя.

„Послѣ разбитія при Нарвѣ“, пишетъ собственноручно Петръ въ исторіи шведской войны, „полки въ конфузій пошли въ шведскія границы; велѣно ихъ перестроить и исправить князю Репнину который тогда съ дивизіею своею и съ однимъ старымъ полкомъ Бутырскимъ, прибылъ съ Низу въ Новгородъ“. И закинула свою работу.

На Москвѣ кликнули вольницу; принимались въ солдаты всякаго чина люди, не исключая крѣпостныхъ; орудія, потерянные подъ Нарвою, замѣнены лучшими и въ большемъ количествѣ. Къ веснѣ 1701 года царская армія была втрое сильнѣе прежней.

А шведы, между тѣмъ, упоенные нарвскою побѣдой, всё усилив свои направили противъ союзной Россіи Польши и „завязали“ тамъ по мѣткому выраженію Петра, на цѣлыхъ три года.

Такимъ пренебреженіемъ противника къ молодой русской арміи умѣло воспользовался Царь-полководецъ. Нашлись время и способъ испытать, закалить, не окрѣпшій еще ея организмъ; нашлась возможность создать обстановку, исключаящую въ будущемъ повтореніе нарвской катастрофы.

Назначенный главнокомандующимъ на западной границѣ Борисъ Петровичъ Шереметовъ съ декабря 1701 года по августъ 1702 года „изрядно“ погостилъ въ Лифляндіи: Вольмаръ и Мариенбургъ, да шесть малыхъ городовъ съ ихъ укрѣпленными замками и гарнизонами подпали силѣ русскаго оружія. Побѣда въ открытомъ полѣ надъ отрядомъ Шлиппенбаха при Эрестферѣ вызвала радостное восклицаніе Царя: „слава Богу, наконецъ то мы можемъ бить шведовъ!“.

Лифляндія была въ конецъ разорена и опустошена. „Лишь карта покажетъ бывшія мѣста, а про разореніе скажутъ взятые губернаторы, мызники и шляхта“, доносилъ Царю Шереметовъ.

Такой же горькой участи подверглась и другая шведская область—Ингрія, гдѣ дѣйствовалъ Апраксинъ. „Рѣкою Невною до Тосны и самой Ижорской земли я прошелъ“, читаемъ въ одномъ изъ его донесеній, „все разорилъ и развоевалъ, отъ рубежа до рѣки Лавы, верстъ на сто“. Къ Апраксину лично послѣшилъ Государь и, 27 сентября 1702 года, во главѣ русскаго войска сталъ у истоковъ Невы подъ шведской крѣпостцею Нотебургомъ.

Ничтожная крѣпость оказала упорное сопротивленіе. Въ теченіи семи дней, непрерывно, днемъ и ночью, велась жестокая пальба, завершившаяся кровавымъ двѣнадцати-часовымъ штурмомъ.

11-го октября Нотебургъ палъ къ ногамъ Петра Великаго. Черезъ три дня, послѣ торжественнаго молебствія, при тоекратной пушечной и ружейной стрѣльбѣ, крѣпость переименована въ Шлюссельбургъ, и на западной башнѣ, извѣстной подъ названіемъ „Государевой“, укрѣпленъ, поднесенный комендантомъ, ключъ въ ознаменованіе того, что взятіемъ Нотебурга открылись ворота въ непріятельскую землю.

Губернаторомъ т. е. комендантомъ Шлюссельбурга назначенъ любимецъ Царя, бомбардиръ-поручикъ Преображенскаго полка, впоследствии свѣтлѣйшій князь, А. Д. Меншиковъ.

Построенный новгородцами вѣка за четыре подъ именемъ Орѣха, или Орѣшка, Шлюссельбургъ лежалъ при истокѣ Невы, на острову, въ Вятской Пятинѣ, Зарѣцкаго стана. Основаніемъ Орѣховской крѣпости новгородцы хотѣли удержать за собою Неву, какъ удобный путь къ Финскому заливу и преградить враждебнымъ сосѣдямъ шведамъ и датчанамъ Ладожское озеро, чтобы избавить отъ ихъ покушеній торговый городъ свой на Волхвѣ, столь извѣстный въ древности—Ладогу. Въ 1348 году шведскій король Магнусъ овладѣлъ Орѣховомъ, впрочемъ, не на долго; черезъ семь мѣсяцевъ новгородцы вытѣснили непріятеля, укрѣпили городъ каменными стѣнами, выдержавшими при московскихъ царяхъ неоднократно нападеныя шведовъ. Въ 1611 году, во время между-цар-

ствія, Делагарди захватилъ его обманомъ и со времени Столбовскаго мира Орѣховъ принадлежалъ шведамъ, которые назвали его Нотебургомъ. Незадолго (23 мая 1701 года) до взятія Петромъ I-мъ крѣпости, сказка ладожанъ такъ описываетъ Шлюссельбургъ:² „городъ на острову, каменный, величиною съ Ладогу; стѣны высокія, немного ниже новгородскихъ, стоитъ отъ озера съ версту. Невскій протокъ подлѣ города, отъ русской стороны шириною сажень до 100, глубокъ и быстръ, суда ходятъ подлѣ самой стѣны, а съ лѣвой къ берегу не ходятъ; солдатъ въ немъ болѣе 300 не бываетъ, потому что городъ малый и строенія никакого нѣтъ, только воеводскія хоромы, да солдатскія двѣ большія избы“.

На этомъ то столѣ богатомъ историческими воспоминаніями мѣстѣ, мѣсяца 2—3 послѣ штурма, совершилось знаменательное въ жизни Рязанскаго полка событіе—его сформированіе.

Выборомъ изъ старыхъ полковъ *Бильса* и *Трейденовъ*, шлюссельбургскій губернаторъ, А. Д. Меншиковъ, въ началѣ 1703 года, создалъ новый полкъ, врученный полковнику Купору. Что выборъ долженъ былъ произойти частями не меньше роты, въ полномъ составѣ, со всѣмъ принадлежащимъ обозомъ и имуществомъ, свидѣтельствуетъ полковая книга, ведущая опись имуществу со времени сформированія этихъ старыхъ полковъ, т. е. съ 1700 года, а равно вся обстановка суроваго военнаго похода, при которой возникъ Рязанскій полкъ. Вдали отъ складовъ и запасовъ, во вражеской землѣ, наканунѣ выступленія противъ непріятеля, другого порядка для формированія новой части и быть не могло. По сколько ротъ отъ cadaго изъ трехъ полковъ взято по выбору, нынѣ сказать трудно. Полкъ того времени состоялъ изъ 10 ротъ, числомъ около 1200 человекъ, слѣдовательно, каждый полкъ долженъ былъ дать не одинаковое число ротъ. Въ вѣдомости полкамъ, бывшимъ при взятіи Канецъ,³ что случилось вскорѣ послѣ сформированія полка, показано въ полку Купора 710 человекъ; принимая во вниманіе неизбежную убыль старыхъ частей, онѣ могли, такимъ образомъ, выдѣлить роты не болѣе, какъ по 70—80 человекъ каждая, причемъ, судя по спискамъ 1720 года, полкъ Ильи Бильса (25 пѣх. Смоленскій) выдѣлилъ количество ротъ больше нежели полки Трейденевъ. Судя по времени выступленія полка

Купора изъ Шлюссельбурга подъ крѣпость Канцы, 23 апрѣля 1700 года, процессъ формировація произошелъ въ первые 3—4 мѣсяца 1700 года. За потерей полковыхъ документовъ въ сраженіи подъ Муръ-Мызою (1705 г.) и въ Прутскомъ походѣ (1711 г.), обстоятельства сопровождавшія сформированіе полка установлены быть не могутъ. Лишь съ большимъ трудомъ, и то по позднѣйшимъ документамъ, можно составить нижеслѣдующій небольшой списокъ свидѣтелей—участниковъ шлюссельбургскаго событія, начавшихъ службу въ Рязанскомъ полку:

Прапорщикъ Иванъ Кишкаринъ (Бильса полка).
Сержантъ Павелъ Горбуновъ (Бильса полка).
Сержантъ Давидъ Баклашевъ (Бильса полка).
Сержантъ Семень Щербаковъ (Бильса полка).
Сержантъ Никита Быстряевъ (Бильса полка).
Сержантъ Иванъ Чаплыгинъ (Бильса полка).
Писарь Иванъ Мусатовъ (Бильса полка).
Рядовой Иванъ Володимирцевъ (Бильса полка).
Сержантъ Іовъ Дороховъ (Ив. Трейдена полка).
Сержантъ Григорій Лизинской (Трейдена полка).
Сержантъ Петръ Посниковъ (Трейдена полка).
Полковой Профосъ Афанасій Горскій (Трейдена полка).
Барабанщикъ Иванъ Вылузгинъ (Ивана Трейдена полка)

Происхожденіе и прежняя служба перваго командира Рязанцевъ полковника Купора неизвѣстны. Въ русскихъ войскахъ, при царѣ Алексѣе Михайловичѣ, служилъ иноземецъ полковникъ Іоганъ Купоръ. Въ 1701 году фамиліей этой названъ бывшій Фливерга полкъ, переименованный въ 1702 году въ полкъ Іова Абрама.

Въ сказкахъ Рязанскаго полка подпоручикъ Семень Щербаковъ называетъ полковника Купора—Даніиломъ Ивановичемъ. Такимъ образомъ, Даніилъ Ивановичъ былъ сыномъ стараго служаки Іогана Купора. Какъ бы тамъ не было, первый командиръ Рязанскаго полка принадлежалъ къ числу тѣхъ иностранцевъ, которые всю жизнь свою, всѣ способности свои, посвятили молодому, гениальному Царю Россіи. Не легка служба, а еще тяжелѣе была въ тѣ времена жизнь иноземцовъ на Руси. Еще въ 1690 году, патріархъ Іоакимъ въ своемъ завѣщаніи увѣщевалъ госуда-

рей, чтобы запретили еретикамъ въ полкахъ быть начальниками. „Какая отъ нихъ православному воинству можетъ быть помощь? пишетъ Іоакимъ⁴, только гнѣвъ Божій наводятъ. Когда православные молятся, тогда еретики спятъ; христіане просятъ помощи у Богородицы и всѣхъ святыхъ, еретики надъ всѣмъ этимъ смѣются; христіане постятся, еретики никогда. Начальствуютъ волки надъ агнцами! Благодатію Божіею, въ русскомъ царствѣ людей благочестивыхъ, въ ратоборствѣ искусныхъ, очень много“. Но ошибался святитель патріархъ, а съ нимъ почти и вся Россія. Искусныхъ людей, способныхъ обучать новобранцевъ, командовать ими такъ, какъ это понималъ гений Петра, не доставало Россіи. Государь поневолѣ принужденъ былъ назначать иностранцевъ, людей почти незнавшихъ русскаго языка, полковыми командирами. Это было зло, зло неизбежное, которое отлично понималъ Царь, но съ которымъ мирился, ибо зналъ, что вскорѣ ученики превзойдутъ учителей.

Посмотримъ теперь, каковъ былъ этотъ полкъ, врученный иноземцу Купору, по своему внутреннему устройству, по наружному виду. На основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ штатный составъ полка, установленный Государемъ въ 1699 г., составляли: 35 офицеровъ и 1200 нижн. чиновъ, раздѣленныхъ на 10 ротъ. Въ теченіи 11 лѣтъ, т. е. до изданія штатовъ 1711 года, составъ этотъ постепенно видоизмѣнялся. Рота подраздѣлялась на 4 плутонга (взвода) и строилась въ 6 шеренгъ. Каждый плутонгъ раздѣлялся на 2 капральства, всего слѣдовательно 8 капральствъ въ ротѣ. Особенное и видное значеніе имѣлъ ротный командиръ.

„Капитанъ есть у роты глава, онъ же имѣетъ въ ротѣ большое повелѣніе. Въ строю-жъ и въ ученіи прилежно смотритъ и поучаетъ. Въ походѣ онъ ѣдетъ на конѣ, а въ бою и въ иномъ строю передъ своею ротою иѣшь; оружье его есть пика, а коли на походѣ, то, взявъ ее о серединѣ правою рукою, и несетъ возлѣ праваго бока, а коли съ поля, въ то время пикѣ несетъ на правой рукѣ вверхъ копьемъ. Ему жъ подобаетъ быть смѣлаго сердца, и разсудокъ межъ солдатъ имѣть добрый и правдивый, а съ ними братства не имѣть, и отъ пьянства, и отъ зерни себя хранить

и надъ солдаты того-жъ смотрѣть. На караулъ ходить съ ротою, а меньше роты, со штидесять человекъ, а меньше не ходить⁵“. Ротный командиръ имѣлъ ближайшаго помощника въ лицѣ капитанъ-поручика. „Его чинъ у роты второй и споможникъ капитану. Ему-жъ подобаеть больше знать, какъ роту учить и больше трудовъ къ ней полагать нежели капитану“. Офицеры роты были въ его вѣдѣніи⁶. Въ походѣ онъ могъ сѣсть на лошадь. Оружьемъ его былъ партазанъ. Въ караулъ меньше какъ съ 40 человекъ не ходилъ. Остальные офицеры роты⁷ (подпоручикъ, прапорщикъ) „знатнаго при ротѣ безъ вѣдома капитанъ-поручика, ни что чинять“. Но прапорщикъ имѣлъ обязанность „по вся дни немощныхъ солдатъ посѣщать и того смотрѣти нѣтъ ли имъ въ презиреніи и въ споможеніи болѣзни какого недостатку“. Прапорщикъ былъ ближайшій ходатай за нижнихъ чиновъ, и когда они въ наказаніе впадаютъ, тогда за нихъ бить челомъ. Самая серьезная обязанность прапорщика была носить знамя, „въ бою знамя не оставлять, а если оставить, то безъ всякаго разсужденія смертную казнь восприметь; егдажъ опасное отхожденіе, и ему въ то время знамя свое отъ древка сорвати и его сохранить“. Оружьемъ прапорщика была поль-пика⁸. Начальники изъ нижнихъ чиновъ были: сержантъ, каптенармусъ, подпрапорщикъ и капраль. Сержантъ исполнялъ должность сходную во всемъ съ настоящею—фельдфебеля съ тою разницею, что ихъ въ ротѣ было три. „Сколь велики и малы роты живутъ только больше и меньше трехъ человекъ у роты не подобаеть быть“⁹. Ротный командиръ черезъ сержантовъ передавалъ приказанія, они же отъ вышшаго начальства воспринимали слово „и принявъ то слово, приносяти въ роту начальнымъ людямъ, въ началѣ капитану и т. д. Оружье его есть алебарда и несетъ ее въ походѣ, купно съ желѣзомъ, на правомъ плечѣ“.

Каптенармусъ исключительно завѣдывалъ оружіемъ, кремнями и патронами. Въ бою всегда находился при ротномъ ящикѣ. „Ему подобаеть быть добру, и добраго житья, и знать выкладку, что въ фунтѣ, въ полу фунтѣ и въ четвертѣ фунтѣ зарядовъ пороху“. Подпрапорщикъ въ бою и парада носилъ знамя и имѣлъ прямую обязанность „призирать прилежно немощныхъ, и въ томъ

онъ помощникъ прапорщику“. Въ бою, на ученіи, или на походѣ, онъ шелъ за прапорщикомъ. Ему же надлежало знать „мушкетное обхожденіе“. Изъ остальныхъ чиновъ роты слѣдуетъ отмѣтить лейбшица и ротнаго писаря. Лейбшицъ былъ оберегательный стрѣлокъ офицера во время боя и въ мѣстѣ съ тѣмъ вѣстовой, предназначенный для передачи приказаній въ бою; когда офицеръ „похочеть послать, то употреблять онаго, а не солдата“, кромѣ того „егда офицера ранять, то долженствуетъ беречь его и отводить, а не солдатамъ“. Такъ берегъ Петръ I-й цѣлость рядовъ строя¹⁰.

Не менѣе важное значеніе имѣлъ и писарь въ ротѣ¹¹. „Ему подобаетъ обрѣтаться часто у капитана своего. И буде капитанъ похочетъ роту смотрѣти, тогда подобаетъ ему съ бумагою и съ чернилы готову быть и своей роты роспись справедливо держать“. Ему же надлежало вѣдать по капитанскому приказу „солдатамъ деньги роздать, и въ томъ отчетъ справедливый дать“.

Званіе полковаго командира и его обязанности въ строевомъ отношеніи въ основаніяхъ мало отличаются отъ настоящихъ. Полковникъ былъ лицомъ отвѣтственнымъ за полкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Нельзя не замѣтить однако, что въ строю самъ командиръ подавалъ команды лишь въ особо важныхъ случаяхъ, обыкновенно это исполнялось первымъ маіоромъ.

Штабъ офицеровъ было въ полку три: подполковникъ, первый маіоръ, секундъ маіоръ¹². Штабъ офицеры обязаны были закономъ вѣдать всѣ дѣла полковыя. Служба ихъ, кромѣ обязанностей въ строю, заключалась въ слѣдующемъ: подполковникъ— ближайшій помощникъ командира полка по строевой части; отъ него, „по всѣмъ вечера“, маіоръ и адъютантъ повелѣнія ожидали. „Первый маіоръ имѣетъ въ полку наибольшую работу“, говоритъ уставъ. Все строевое управленіе полкомъ лежало на немъ; онъ долженъ былъ „всѣ воинскія дѣла благоразумети, тако же здравъ и не старъ быть“; секундъ маіоръ былъ его помощникомъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что штабъ офицеры имѣли свои прямыя обязанности по управленію полкомъ, а слѣдовательно весьма самостоятельное и важное значеніе ротнаго командира ничуть не умаляло ихъ значенія. Чины полковаго штаба, числомъ 8, за не

назначеніемъ адъютанта, который былъ помощникомъ перваго маіора и исполнялъ его приказанія по строевой части, имѣли административное назначеніе. Соединеніе полковъ въ бригады и т. д. не было опредѣлено точными правилами. Постоянная организація, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, не шла дальше полка; вѣтъ, въ военное время, изъ полковъ образовывались бригады изъ 2-хъ, или 3-хъ полковъ, изъ бригадъ формировались дивизіи. Познакомившись, такимъ образомъ, съ чинами управленія полка, посмотримъ надъ какими людьми начальствовали они, изъ кого составлялся полкъ; какая сила сдерживала этихъ паскоро обученныхъ людей, двигаемыхъ немедленно въ бой, какая сила способствовала имъ одерживать побѣды? Подумаемъ, что новосозданный полкъ снабженъ былъ геніальными инструкціями, отличными инструкторами, что все чины его, вдохновляемые геніемъ Петра, стремились къ совершенству? Ничуть! Хотя и были установлены рекрутскіе наборы, но старые долги пополнялись во множествѣ вольными, охочими людьми, бывшими потомками стрѣльцовъ, людьми разгула, широкой русской удали¹³. Нелюбимые начальники изъ иностранцевъ дополняли полуобразованныхъ русскихъ начальниковъ. По части тактической, строевой, въ самое критическое время войны, армія наша не была снабжена уставами. Вся подготовка основана была на широкомъ примѣненіи обученія наказомъ, преимущественно путемъ опыта, включая въ него и тѣ частыя бои со шведами, которыми такъ богата сѣверная война въ періодъ отъ Нарвы до Полтавы. Прямо противоположно поступилъ Царь въ вопросахъ дисциплины. Съ первыхъ же годовъ армія связана была общимъ для всехъ уставомъ, а въ основаніе его положены не только угроза жестокаго наказанія за неисполненіе, но и признаніе въ солдатѣ человѣческаго достоинства. Солдата не слѣдуетъ бить; солдатомъ не можетъ быть воръ; безнравственный человѣкъ не можетъ быть начальникомъ; въ солдатѣ слѣдуетъ развивать чувство военной чести, начала товарищества, взаимной поддержки и христіанской любви; солдатъ не долженъ дѣлать того, что терпимо только среди простой черни; солдату стыдно воевать съ женщинами, дѣтьми и стариками; начальнику слѣдуетъ смотрѣть на солдатъ, какъ отцу на дѣтей и т. д.; вотъ тѣ мысли Петра, разбросанныя частью въ уставѣ „прежнихъ лѣтъ“;

частью въ отдѣльныхъ указаніяхъ, которыя доказываютъ, что Великій Царь въ солдатѣ видѣлъ прежде всего человѣка. Въ дисциплинарныхъ своихъ мѣрахъ Петръ I-й опередилъ современниковъ на цѣлое столѣтіе. Въ то время, какъ на западѣ господствовала палка кандала, у насъ, рядомъ съ дубинкою, утверждаются начала высокой гуманности, т. е. такія начала, которыя на западѣ вошли въ общее сознаніе только въ XIX вѣкѣ. Царь воспитывалъ, а не дрессировалъ. Въ теченіи почти двухсотлѣтней своей жизни армія наша испытала много преобразованій, но при всѣхъ переменѣхъ оставалась одна особенность—это высокія свойства русскихъ войскъ и способность ихъ выполнять службу во всѣхъ видахъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Этимъ родовымъ признакомъ, сохранившимся до нынѣ, армія наша обязана великому своему реформатору, а полкъ нашъ, пріявшій непосредственно изъ рукъ Царя великія начала военнаго воспитанія, да гордится ими во вѣки. Указанныя мѣропріятія Петра дали въ результатѣ прекрасный качественный составъ войскъ. Ежедневно, передъ всѣмъ полкомъ, читался манифестъ о присягѣ цѣлованіемъ креста въ вѣрности долгу службы и въ подчиненіи, „чтобы всякъ своего властнаго стыда, наказанія и безчестія удалялся и бѣгалъ, противъ того-жъ о благодѣяніи, храбрости и повышеніи прилежаніе имѣлъ“¹⁴. Великая особенность русскаго народа „христіанское житіе“ поставлено было впереди всего. „Понеже все счастье, благословеніе и благополучіе войны отъ Бога Всевышняго Единого происходитъ и умоленно быть имать, и того ради подобаеть всѣмъ, которые намъ воинскою должностію обязаны суть и принадлежать, Его Всемогущество прежде и во всѣхъ дѣлахъ усердно призывать, бояться и чтити, и кунно при христіанскомъ житіи и поступкахъ о всѣхъ искренныхъ благодѣяніяхъ и храбрости тщиться“, и далѣе „каждый солдатъ, который въ нашемъ войску обрѣтается, какъ офицеръ и рядовой, чтился о богобоязни, Бога на помощь къ себѣ призывать, ежедневно милости у него просити, Его за благодѣяніе благодарить, и каждый бы другого къ сему призывать чтился“¹⁵. Вотъ на какихъ основаніяхъ возникала слава полка, на этихъ основаніяхъ покоится она и нынѣ. Остается еще сказать о наружномъ видѣ полка. Каковъ былъ того времени Рязанцевъ. Главную часть обмундированія составлялъ просторный

почти до колѣнъ длинный, односторонній кафтанъ¹⁶. Рукава его оканчивались нѣсколько выше кисти такъ, что изъ подъ нихъ видны были рубашечныя сборки. На лѣвомъ плечѣ нашивался красный гарусный шнурокъ для придерживанія ремня или перевязи патронной сумы. Подъ кафтаномъ надѣтъ былъ камзолъ нѣсколько короче. Кафтанъ, по производству, могъ быть застегнутымъ, или разстегнутымъ, ибо грудь солдата прикрывалась камзоломъ. Штаны короткіе застегивались у колѣнъ мѣдными пуговицами. Обувью служили чулки и тулопосые башмаки, смазные, на толстой подошвѣ, застегивающіеся спереди мѣдной или желѣзной пряжкой, которая скрывалась кожанымъ языкомъ, или клананомъ. Для походнаго времени, для карауловъ и т. п. полагались сапоги до колѣнъ съ небольшими раструбами. На шею завязывался въ бантъ черный изъ тріа галстукъ (галстуки были и красные), концы его спускались внизъ по камзолу. Для защиты отъ ненастія служила короткая суконная епанча, которая застегивалась мѣднымъ крючкомъ и таковой же петлей. Голову прикрывала черная шляпа шерстяная, или пуховая, съ круглою, или цилиндрическою тульею. Весьма часто вмѣсто шляпы надѣвался картузь цилиндрическаго вида, къ верху суживающійся. Тулью картуза по произволу можно было опускать внизъ, или подымать вверхъ. Волосы на головѣ длинные до плечъ и расчесанные въ стороны. Картузы, епанчи, кафтаны, камзолы и штаны въ армейскихъ полкахъ были различныхъ цвѣтовъ; иногда зависѣвшихъ отъ комиссаріата, иногда же отъ самыхъ полковыхъ командиревъ. Иногда случалось, что часть полка имѣла кафтаны одного, а часть— другого цвѣта; часть была въ шляпахъ, а часть въ картузахъ. Употребительнѣйшія цвѣта были: свѣтло и темно-зеленые, темно-голубой, сѣрый, или васильковый, красный, желтый, бѣлый и сѣрый, такихъ же цвѣтовъ были и чулки. Пуговицы употреблялись суконныя, обтяжныя, роговыя или оловячныя, а то мѣдныя, впоследствии съ гербами провинцій и городовъ названіе которыхъ носили полки. Шляпы обшивались бѣлымъ шерстянымъ шнуромъ. Въ походѣ носилась на спинѣ большая заплечная сума, или ранецъ, изъ телячьей кожи. Вооруженіе состояло изъ фузеи съ багинетомъ, замѣленнымъ въ 1704 году трехграннмъ штыкомъ; были въ употребленіи и пѣки¹⁷. Сержанты имѣли алебарды и всѣ нижніе чины шпаги. Отличье ун-

теръ-офицеровъ составлялъ узкій золотой галунъ на обшлагахъ. Офицеры носили одежду одинаковаго покроя съ солдатами, другой разъ, ничѣмъ отъ нихъ не отличаясь, кромѣ узкаго галуна на шляпѣ, да серебряннымъ, или вызолоченнымъ, эфесомъ шнаги. Отличье оберъ-офицеровъ отъ штабъ офицеровъ заключалось въ шарфахъ, темлячныхъ и партазанныхъ кистяхъ; у первыхъ кисти были серебрянныя, у послѣднихъ золотыя. Надъ этой пестрой массой людей составляющихъ полкъ, на длинныхъ древкахъ, развѣвались десять (по числу ротъ) разноцвѣтныхъ знаменъ. Одно изъ знаменъ, находившееся въ первой ротѣ, имѣло свой непремѣнный цвѣтъ бѣлый, и называлось полковымъ, прочія—ротныя—были разныхъ цвѣтовъ¹⁸.

Такъ сформированный и устроенный пѣхотный Купора полкъ не долго оставался въ бездѣйствіи. Открытые взятіемъ Нѣншенца ворота для входа въ рѣку Неву, допускали большой просторъ операціямъ на этомъ театрѣ войны, превращали въ дѣйствительность сокровенныя думы Государя, имѣвшія вскорѣ поразить весь міръ, удивить вѣрную Царю Россію. Зима 1703 года стояла снѣжная и морозная. „У насъ здѣсь превеликіе морозы и жестокіе вѣтры“, писалъ А. Д. Меньшиковъ Царю изъ Шлюссельбурга 1-го марта¹⁹, „съ великою нуждою за ворота выходимъ; едва можемъ жить въ хоромахъ“.

Но Петръ, успокоенный благопріятными извѣстіями по поводу недоразумѣній съ Турціей, уже слѣдшилъ на сѣверъ и 19 марта 1703 года пріѣхалъ въ Шлюссельбургъ. Здѣсь Рязанцы впервые предстали на смотръ Великому Царю и, по Его повелѣнію, старымъ русскимъ обычаемъ, приняли своей Заступницей и Покровительницей Грузинскую Матерь Божію²⁰.

А къ Шлюссельбургу, между тѣмъ, бросивъ опустошенную Лифляндію, стянулся отъ Пскова съ арміей фельдмаршалъ Шереметевъ.

Ранней весной 23 апрѣля 1703 года, подъ личнымъ предводительствомъ Царя, тронулись Рязанскія роты въ „открытыя ворота“, правымъ берегомъ Невы, направляясь къ Нѣншанцу. 25-го апрѣля полкъ подступилъ къ этой крѣпости²¹.

Крѣпость Нѣншанць (Канцы) лежала на правомъ берегу Невы, при впаденіи въ нее Охты.

Подъемный мостъ черезъ Охту соединялъ небольшой городъ съ посадомъ. Вверхъ по рѣкѣ, на разстояніе съ полверсты, тянулся рядъ купеческихъ и королевскихъ анбаровъ съ хлѣбомъ и другими припасами. Крѣпостной валъ старый, безъ башенъ; за валомъ деревянныя рогатки и ровъ, изъ рву къ валу палисады сосновыя. Отъ Невы, окружая Нѣншанць съ трехъ сторонъ, сажень за 300, зачатъ валъ земляной къ Охтѣ, но не додѣланъ²². Валъ этотъ могъ служить для осаждающихъ превосходнымъ пособіемъ, укрывая ихъ отъ выстрѣловъ изъ крѣпости. Гарнизонъ состоялъ изъ 600 солдатъ подъ командою полковника Аполлова, человѣка стараго и больного; офицеровъ было немного²³.

Въ числѣ 710 человѣкъ Купора полкъ, совмѣстно съ полками Преображенскимъ, Семеновскимъ, Бильсовымъ и Пальмеровымъ, подъ общимъ начальствомъ г.-м. Брюса, расположился противъ наружной крѣпостной ограды, прикрывающей предмѣстье съ юга. Съ восточной и сѣверной стороны города, близъ самаго вала, который защищалъ отъ крѣпостныхъ выстрѣловъ, стала дивизія князя Репнина²⁴.

Въ ту же ночь стали мы подвигаться апрошами къ непріятельскому рву, не обращая вниманія на пушечную пальбу изъ крѣпости, не причинявшую, впрочемъ, никакого вреда. На другой день пріѣхалъ Царь и немедленно осмотрѣлъ крѣпость. „Городъ гораздо больше, какъ сказывали“, писалъ онъ Меншикову²⁵, однакожь не будетъ съ Шлюссельбургъ. Про новый валъ говорили, что низокъ, онъ выше самаго города и выведенъ изрядною фортификаціею, только дерномъ не обложенъ. Стрѣльба зѣло рѣдка“.

Въ производствѣ осадныхъ работъ, постройкѣ и вооруженіи батарей, прошло время до 30 апрѣля, когда, наконецъ, орудія наши были готовы къ дѣйствию. Въ 7 часовъ пополудни этого же дня грянулъ первый выстрѣлъ по крѣпости. Началось бомбардированіе, которое безъ перерыва продолжалось всю ночь, до самаго утра. Крѣпость сначала отвѣчало живо, но, вскорѣ, пальба затихла, и, на разсвѣтъ 1 мая, барабанщикъ на крѣпостномъ валу

ударилъ въ барабанъ къ сдачѣ²⁶. По условіямъ капитуляціи шведскій гарнизонъ отпущенъ свободно въ Выборгъ, съ распущенными знаменами, съ драгунскимъ знакомъ, съ барабаннымъ боемъ, съ верхнимъ и нижнимъ ружьемъ и съ пулями во рту²⁷.

На другой день, въ воскресенье, при пальбѣ изъ пушекъ ружей, отслуженъ былъ молебенъ за покореніе крѣпости, а наипаче за приобрѣтеніе желаемой морской пристани; она названа Шлотбургомъ²⁸. Взятіе Нюеншанца, закрѣпивъ за Россією устье Невы, открыло ей путь въ Балтійское море

16-го мая, въ день Св. Троицы, на островѣ Янни-Саари, переименованномъ въ Люсть-Элантъ, т. е. веселей островъ, положено основаніе Санктъ-Петербургу. Прежде всего заложена Петропавловская крѣпость, а въ ней деревянная церковь во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла. Будущая столица Россійской Имперіи возникла въ виду непріятеля, грозившаго ей съ моря, изъ Финскаго залива, и изъ Финляндіи, отъ Сестрорѣцка. Въ ежеминутной готовности отразить напоръ шведа, съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ заступомъ и лопатою въ другой, безъ усталости работали полкъ при возведеніи городскихъ и крѣпостныхъ построекъ. Работы не прекратились даже зимою; выполняя волю своего Державнаго Вождя, приходилось строить среди льдинъ Финскаго залива сильную фортецію, будущій Кронштадтъ, дабы защитить съ моря любимое дѣтище Петра—Петербургъ.

Въ такихъ занятіяхъ протекла тяжелая и памятная для полка зима 1703/4 гг. Съ наступленіемъ весны стали готовиться къ походу, цѣль котораго, опять таки, заключалась въ обезпеченіи, добытаго столь великими трудами, „окна въ Европу“.

Въ половинѣ мая 1704 г., въ передовомъ отрядѣ генералъ-поручика Фонъ Шанобека,²⁹ выступилъ полкъ изъ С.-Петербурга, направляясь къ Шлюссельбургу, чтобы оттуда Ладожскимъ озеромъ идти въ Корелу, подъ Кексгольмъ. За нами выступилъ баталіонъ Преображенскаго полка, черезъ два дня дивизія Кн. А. И. Репнина; съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками двинулся на судахъ Невойю къ Кексгольму Петръ. Походъ совершался безостановочно. Мы уже достигли Шлюссельбурга, какъ вдругъ, 20 мая,

получился приказъ, которымъ движеніе къ Кексгольму было отмѣнено, войскамъ велѣно повернуть назадъ и съ береговъ Невы слѣшить къ Ямбургу и далѣе къ Нарвѣ.

Такой неожиданный поворотъ дѣлъ былъ слѣдствіемъ тревожныхъ извѣстій, полученныхъ отъ околичнаго Петра Апраксина. Донсеніемъ отъ 12 мая³⁰ Апраксинъ сообщалъ Государю, что при устьѣ Наровы появился шведскій флотъ, до 35 судовъ, что въ Нарвѣ ждутъ Шлиппенбаха, а русское войско слабо; конницы самое малое число³¹. Извѣстіе это сильно обезпokoило Петра. Онъ имѣлъ въ виду, по окончаніи кексгольмскаго похода, вторично осадить Нарву, и вдругъ, теперь узнавъ, что на помощь ей идутъ морскія и сухопутныя силы. 21-го мая выступилъ поспѣшно нашъ полкъ изъ Шлюссельбурга въ обратный походъ и уже 30-го числа, отъ „Стана Апраксина“³² переправясь по заранѣе наведенному мосту на лѣвый берегъ Наровы, расположился лагеремъ со стороны моря верстахъ въ 5 отъ Нарвы³³. Первоначальное расположеніе русскихъ войскъ имѣло характеръ блокады. Къ осадѣ пока не приступали, потому что не было ни пушекъ, ни мортиръ; ихъ везли изъ Шлюссельбурга и Петербурга съ большимъ трудомъ цѣлый мѣсяцъ³⁴. Энергичный комендантъ Нарвы генераль Горнъ, который такъ мужественно оборонялся въ 1700 г., не дремалъ. Частыя вылазки, утромъ и вечеромъ, иногда по 700 и болѣе человекъ, сильно насъ тревожили. Но самая большая опасность ожидалась со стороны Шлиппенбаха отъ Ревеля; ждали даже короля шведскаго, о которомъ носились слухи, что пошелъ отъ Гданска на корабляхъ съ войскомъ. Произведенная однакожъ кавалеріей рекогносцировка, 1 іюня, верстъ на 30 по везенбергской дорогѣ, не обнаружила присутствія непріятели. Тогда то Меншиковъ совѣтовалъ Государю устроить особаго рода засаду³⁵. 8 іюня, двумя пѣхотнымъ и одному драгунскому полкамъ велѣно отойти по везенбергской дорогѣ верстъ за 8 къ урочищу Тарваіеги. Нарядившись въ синіе мундиры и эпанчи, по примѣру шведовъ, въ шляпы съ бѣлою обшивкою, съ желтыми и бѣлыми знаменами, войска эти, подъ личнымъ предводительствомъ Царя, должны были двинуться къ Нарвѣ подъ видомъ вспомогательнаго корпуса Шлиппенбаха. Для отраженія мнимыхъ шведовъ мы приготовились къ вы-

ступленію изъ лагеря. Маневръ удался, какъ нельзя быть лучше. Въ 2 часа пополудни раздались сигнальные выстрѣлы изъ пушекъ. Снявъ шатры, полкъ приготовился къ битвѣ. Вотъ изъ лѣсу показался мнимый шведскій корпусъ. Оба войска сблизились. Сраженіе началось. „И сошедшись“ сказано въ Юрналѣ, „учинили межъ собой фальшивый бой изъ пушекъ и ручнаго ружья;“³⁶ мнимые шведы стрѣляли строемъ исправно, по шведскому обыкновенію, только такъ, что ядра перелетали черезъ, а русскіе падали зѣло непорядочно, безстройно и нарочно мѣшались, будто необычные люди. Было той стрѣльбы отъ обоихъ сторонъ съ полтора часа. Потомъ русскіе стали уступать отъ мнимаго Шлиппенбаха; въ обозѣ стали внезапно снимать палатки, запрягать лошадей и обнаружили смятеніе“. Видя это, Горнь приказалъ немедленно выступить части гарнизона, за ней, въ надеждѣ добычи, послѣдовало много жителей Нарвы, даже жены и дѣти. Тогда мнимые шведы бросились на непріятеля. Подъ самую Нарвою произошла свалка. До 300 шведовъ было убито, въ томъ числѣ не мало женъ и дѣтей. „Такъ“, сказано въ Юрналѣ, „высокопочтеннымъ господамъ шведамъ поставленъ зѣло изрядный носъ“.

Вскорѣ затѣмъ, для командованія войсками прибылъ въ нашъ лагерь изъ Москвы фельдмаршалъ Огильви, принятый въ русскую службу въ Вѣнѣ, на 3 года. По этому случаю, 27 іюня, Царемъ произведенъ былъ большой смотръ всей арміи.

Между тѣмъ, наступилъ іюль. Государь, уѣзжавшій изъ подъ Нарвы въ Дерптъ, вернулся 17 числа, а въ слѣдъ за нимъ прибылъ оттуда отрядъ Шереметева³⁷. Работа закипѣла. Для веденія правильной осады войска выведены изъ обозовъ и разставлены вокругъ Нарвы не далѣе версты. Полкъ нашъ занялъ позицію противъ бастіона „Викторія“³⁸. Первоначальное веденіе апрошннхъ работъ безъ помощи осадной артиллеріи было весьма трудно. Но вотъ, въ воскресенье, 30 іюля, послѣ литургіи, по данному сигналу, раздался первый залпъ изъ 46 орудій и 15 мортиръ по обимъ флангамъ бастіона „Викторія“. Канонада продолжалась 10 сутокъ. Въ городѣ обнаружили пожары. Взлетѣлъ на воздухъ цейхгаузъ. Но комендантъ былъ непоколебимъ. Когда предложеніе о сдачѣ Горнь отклонилъ высококомѣрно, на 9 августа рѣшено

штурмовать Нарву. 8 числа, штурмовыя лѣстницы, подъ жесточайшимъ огнемъ, перенесены въ анпроши. Противъ бастіона „Викторія“, гдѣ обнаружилась брешь, у самаго контръ-эскарпа поставлена 4-хъ пушечная батарея для стрѣльбы во время приступа. Ночью на 9 августа въ ровъ бастіона „Гонѳоръ“ посланы съ лѣстницами отъ всѣхъ полковъ солдаты, бывшіе въ бѣгахъ³⁹. Въ 2 часа пополудни, 9 августа, по лозунгу изъ 5 мортиръ, двинулись войска на штурмъ тремя колоннами⁴⁰. Въ первой штурмовой колоннѣ генерала Шапобека ворвался полкъ на бастіонъ „Викторія“. Шведы оборонялись упорно; подъ брешью взорвали подкопъ, а съ высоты вала скатывали штурмовыя бочки; но ничто не могло остановить русскихъ; спустя $\frac{3}{4}$ часа они уже были въ Нарвѣ. Шведы бросились въ каменный старый городъ, посиѣш-но затворивъ ворота. Но комендантъ, видя, что дѣло проиграно, приказалъ барабанщикамъ бить сдачу, въ надеждѣ на капитуляцію, и самъ кулакомъ ударилъ въ барабанъ⁴¹.

Возбужденные наши солдаты ничего слышать не хотѣли. Быстро взойдя на высокую стѣну стараго города, разломали ворота, достигли самаго замка и едва не ворвались въ Ивангородъ, спасенный только тѣмъ, что солдаты бросились грабить. Кровопрлитіе произошло страшное. Не было пощады ни женщинамъ ни дѣтямъ. Изъ 4500 человѣкъ шведскаго гарнизона въ живыхъ осталось не болѣе 2000 человѣкъ. Черезъ два часа послѣ штурма Петръ съ фельдмаршаломъ Огильви вѣхалъ верхомъ въ опустошенный городъ и приказалъ трубить по всѣмъ улицамъ, прекращая грабежъ.

Торжественно отпразднована была побѣда. 15 августа, передъ домомъ Меншикова, назначеннаго въ этотъ день губернаторомъ покореннаго города, поставлена совершенно новая мортира; ее наполнили виномъ; самъ Царь черпалъ изъ нее, и пилъ за здоровье своихъ сподвижниковъ.

„Гдѣ предъ четырьмя лѣты Господь оскорбилъ“, писалъ Государь Ф. Ю. Рамодаповскому,⁴² „тутъ, нынѣ, веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость, черезъ лѣстницы, шпагою, въ $\frac{3}{4}$ часа получили“. Во что обошелся полку штурмъ Нарвы совершенно неизвѣстно, но, судя по общей цифрѣ потерь, онѣ не могли быть значительны. „Сей штурмъ“, писалъ въ томъ же

письмѣ Петръ, „дивно опредѣлился, и не чаю, чтобы 300 человекъ пропало нашихъ, за что выну буде Вышнему хвала“. Изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ донынѣ свѣдѣній узнаемъ только, что на штурмѣ Нарвы въ полку нашемъ были ранены⁴³—сержанты: Давидъ Баклановъ въ лѣвую руку ручной гранатой, Григорій Лизинской въ руку, Павелъ Горбуновъ и барабанщикъ Иванъ Вылузинъ въ голову. Со взятіемъ Нарвы цѣль войны была достигнута. Захочетъ шведъ мириться, больше ничего отъ него не потребуемъ, а отдать въ крайности можно будетъ Дерптъ и Нарву, удержавъ только драгоценный Петербургъ. Не захочетъ шведъ уступить ничего, захочетъ все отвоевать, трудна ему будетъ война въ опустошенной странѣ; пусть стоитъ подъ крѣпостями. Въ 4 года Петръ достигъ того, что люди его были „учреждены“, и была надежда отбиться съ ними отъ шведа. Но всего важнѣе, чтобы шведъ, какъ можно дальше, увязъ въ Польшѣ, для этого нужно было теперь помочь полякамъ. А дѣла тамъ дѣйствительно были скверны. Шведы находили въ самой Польшѣ сильную поддержку въ многочисленныхъ сторонникахъ Станислава Лещинскаго. Однѣ воеводства признавали королемъ его, другія—оставались вѣрны Августу. Карлъ XII расхаживалъ по всему королевству и бралъ штурмомъ города, не признававшіе Станислава. Доведенный до крайности, Августъ требовалъ отъ Россіи войскъ и денегъ, горько жалуясь на бездѣйствіе Царя. Послѣ долгихъ переговоровъ, наконецъ, 19 августа, заключенъ трактатъ наступательнаго и оборонительнаго союза противъ Швеціи между Россією и Польшею⁴⁴. Въ помощь полякамъ, подъ команду короля, обязался поставить Царь 12000 войска на иностранный манеръ снаряженнаго, съ довольномъ числомъ артиллерійскихъ орудій, снарядовъ и аммуниціи. Вслѣдствіе крайняго истощенія польскихъ силъ отъ непрестанныхъ битвъ, помощь эта должна была быть дана немедленно. И вотъ, 25 сентября, выступилъ полкъ изъ подъ Нарвы, направляясь за литовскій рубежь къ Полоцку. „Только двухъ дѣлъ остерегайтесь“, сказано въ наказѣ нашему начальнику Репнину:⁴⁵ „1) чтобы не зѣло далеко зайти, 2) если вздумаетъ король польскій дать генеральный бой со всеми шведскими войсками, на то не поступай. Въ частныхъ битвахъ содѣйствуй, избѣгая однакожь излишней тягости“.

Быль октябрь мѣсяць; погода стояла ненастная.

Встрѣчая на каждомъ шагу большія затрудненія при движеніи обозовъ, увязая по колѣни въ грязи, двигался полкъ къ Друѣ вслѣдъ за кавалеріей г.-м. Ренне, посланнаго къ Биржамъ. На пути получено извѣстіе, что непріятель Биржи взялъ и, разоривъ, удалился въ Курляндію. Въ концѣ октября Репнинъ сталъ на зимовыя квартиры въ окрестностяхъ Полоцка. Полкъ нашъ расположился въ г. Диснѣ, на З.-Двинѣ.

Не особенно дружелюбно встрѣтили насъ, своихъ избавителей, поляки. Шляхта волновалась; требовала удаленія русскихъ, кричала, чтобы провіанта намъ не давать. Жалобы на притѣсненія и обиды слышались повсюду. Справедливо ли? сказать трудно, но, какъ видно изъ письма кн. Репнина Меншикову, самъ фельдмаршалъ Огильви жаловался Государю на разореніе отъ нашихъ войскъ полякамъ. „Слышалъ я не подлинно“, доносилъ Репнинъ, „будто господинъ фельдмаршалъ писалъ о разореніи нашихъ войскъ къ полякамъ. Дай Боже, милость Твоя къ намъ изволить пріѣхать и все самъ увидить. А разоренія поляковъ, еслибъ какое было, милость Твоя уже давно самъ здѣсь изволилъ бы слышать и видѣть“⁴⁶.

Какъ бы тамъ не было, но причинъ для недорозумѣній межъ нами и поляками было очень много. (Уніатскія дѣла).

Зима 1704/5 года проходила въ усиленныхъ занятіяхъ по устройству и переформированію полка согласно новому организационному плану, выработанному фельдмаршаломъ Огильви, и во многомъ одобренному Государемъ⁴⁷. Изъ плана Огильви были заимствованы лишь общія идеи, а именно: необходимость единообразія въ устройствѣ пѣхоты, 2-хъ баталіоннаго состава полковъ и точнаго опредѣленія числа чиновъ въ полку и ротѣ. По всей вѣроятности, къ веснѣ 1705 года полкъ состоялъ уже изъ 2-хъ фузелерныхъ баталіоновъ и одной гренадерской роты. Баталіоны были 4-хъ ротнаго состава, а слѣдовательно въ полку 9 ротъ, считая въ томъ числѣ гренадерскую. Измѣненіе числа ротъ въ полку сопровождалось уменьшеніемъ штатнаго числа офицеровъ (около 25 человекъ, вмѣсто 35), цифра же строевыхъ ниж. чиновъ

оставлена прежней, въ 1200 человекъ⁴⁸ Къ этому же времени, надо полагать, относится назначеніе командиромъ полка полковника Николая Увидкисавича барона фонъ Ланга (Лангена)⁴⁹.

Съ перемѣною командира измѣнилось и наименованіе полка, хотя въ официальныхъ документахъ даже конца 1705 года полкъ именуется—то полкомъ Купора, то полкомъ Ланга⁵⁰.

Куда убылъ нашъ командиръ Даниль Ивановичъ Купоръ, равно служба и происхожденіе вновь назначеннаго полковника Ланга, имя котораго съ 1833 года красуется на скобахъ Рязанскихъ знаменъ, совершенно неизвѣстны.

Новое устройство полка, измѣненіе штатовъ, потребовали пополненія и безъ того значительнаго недочета въ обмундированіи, боевомъ оружьи, аммуниціи и проч.

Не легко было всему этому удовлетворить въ короткій срокъ, въ особенности, когда не доставало самаго главнаго двигателя—денегъ. Даже такая кажущаяся мелочь, какъ заготовленіе по 300 патроновъ на человека, выполнена быть не могла, не смотря на требованіе Государя. „Постараюсь изготвить, хотя по 100 выстрѣловъ“, доносилъ Яковъ Брюсъ Царю, „большое горе—денегъ мало“⁵¹. Равнымъ образомъ, отечественные оружейные заводы, не смотря на усилія Петра, не могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ; да и прочность и достоинство ружей были сомнительны. „Ружьи прикажи дѣлать мастеровымъ добрымъ“, писалъ А. Меншиковъ адмиралу Ф. А. Головину „и пробовать его съ извѣстнымъ свидѣтельствомъ, а то многое является негодное и плохое, а иное небезопасное“⁵². Недостатокъ приходилось пополнять вывозомъ изъ за границы. Выписывались однѣ только металлическія части и затѣмъ уже нашими мастерами прилаживались къ лоламъ⁵³. Все это требовало много времени и стоило дорого⁵⁴. Цвѣтныя сукна на кафтаны и епанчи тоже выписывались изъ за границы, а то просто, при недостаткѣ, приготавливались домашнимъ способомъ, окрашивая сѣрыя сукна въ зеленый, или темно зеленый цвѣтъ, „какъ красятъ русскіе, березовыми, или другими, какими пристойнѣе, листьями“⁵⁵. Въ какомъ порядкѣ произведено было реформированіе полка и пополненіе его до новыхъ штатовъ сказать трудно. Источниками комплектованія и формированія до 1706 года все еще

служили частью войска стараго иноземнаго строя (копейщики, рейтары), частью помѣстные войска (московскихъ чиновъ и городовыхъ), и вольные посадскіе, монастырскіе, даточные и проч. люди. Доведеніе же полковъ до опредѣленнаго „указнаго“ числа производилось посылкою командъ „въ комплектъ“, которыя сдавались въ полкъ по отпискамъ высшихъ командировъ.

Весьма вѣроятно, что вслѣдствіи истощенія запаса старыхъ войскъ, полкъ нашъ, главнымъ образомъ, въ рассматриваемое время, пополненъ былъ людьми третьей категоріи т. е. даточными, или по новой терминологіи „рекрутами“. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что 20 февраля 1705 года состоялся указъ Царя, которымъ ежели не въ первые вводилась система рекрутскихъ наборовъ, то, во всякомъ случаѣ, устанавливались, отчасти, основанія призыва населенія къ отбыванію службы⁵⁶.

Несмотря на указанныя большія затрудненія, исполнскія труды Царя и его сподвижниковъ подвинули однакожъ дѣло устройства войскъ на столько впередъ, что къ 12 іюня 1705 года, т. е. ко дню пріѣзда Петра въ Полоцкъ, его встрѣтили многочисленныя и блестящія полки. По словамъ иноземныхъ офицеровъ, лучше вооруженныхъ и устроенныхъ войскъ не было ни въ одной нѣмецкой землѣ.⁵⁷

Къ сожалѣнію, дать полную картину состоянія въ то время полка Ланга не представляется никакой возможности. Причина этого заключается въ тѣхъ печальныхъ событіяхъ, которыя вскорѣ послѣдовали. 1-го іюня, въ Полоцкѣ, на военномъ совѣтѣ, опредѣлено:⁵⁸ „фельдмаршалу Шереметеву идти въ походъ въ Курляндію противъ шведскаго генерала Левингонта, который, по слухамъ, стоялъ подъ Митавою. Съ Шереметевымъ идти 3-мъ драгунскимъ бригадамъ—Боуровой, Кропотовой и Игнатьевой, да подъ командою г.-м. Чамберса 3-хъ пѣхотнымъ полкамъ: Лангову, Шанобекову и Повишеву. Артиллеріи взять: 10 гаубиць и 6 пушекъ мѣдныхъ, полковыхъ, 3 хъ фунтовыхъ, т. е. по двѣ на каждый пѣхотный полкъ“⁵⁹. Мѣстомъ сосредоточенія отряда назначена Друя.

18-го іюня, изъ Полоцка, отправился г.-м. Чамберсъ для осмотра готовности къ походу полка Ланга⁶⁰. 29-го іюня мы были

уже въ Друѣ, а 1-го іюля весь отрядъ выступилъ оттуда въ назначенный походъ⁶¹.

„Въ эртаулѣ слѣдовала рота драгунъ, за ними 50 человекъ выборнаго шквдрона. Г. Боуръ съ бригадою, далѣе, господинъ Воейковъ съ Уфимцы, полковникъ Игнатьевъ съ бригадою, курскіе калмыки, дворъ фельдмаршала, онъ со штабомъ; за ними—выборный шквдронъ, Кропотовъ съ бригадою, г.-м. Чамберсъ съ артиллеріей и пѣхотными полками: Ланга, Шанобека и Повишева“⁶².

Вся цѣль нашего похода заключалась въ томъ, чтобы отрѣзать Левенгаупта отъ Риги. „Если же отъ Риги отрѣзать не успѣете“, говорилось въ инструкціи Шереметеву и Чамберсу, то и походъ будетъ вотще“⁶³.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дано повелѣніе:⁶⁴ „въ походѣ черезъ Курляндію заказать подъ смертною казнью всѣмъ, а паче начальникамъ, чтобы отнюдь никакого разоренія и озлобленія курляндичамъ не дѣлали, и ничего не брали, развѣ по крайней нуждѣ провіанту“

Двигаясь по тракту отъ Друи—на Браславъ, Динабургъ и Крыжборкъ, прибылъ полкъ въ Оникшты, гдѣ были оставлены, какъ пѣхотные, такъ и драгунскіе обозы съ генераль-адъютантомъ Огухтинымъ.

Первыя свѣдѣнія о противникѣ получились 3-го іюля, отъ захваченныхъ въ плѣнъ драгунами у новой Риги шведскаго поручика и солдата. Плѣнные объявили, что Левенгауптъ стоитъ у Митау съ 10000 конницы и пѣхоты. Получивъ это извѣстіе, мы двинулись на рѣку Немонть, куда прибыли 10-го іюля, и расположились лагеремъ отъ урочища Нитавы въ 5 миляхъ⁶⁵.

Того же числа, конница, подъ начальствомъ г.-м. Боура, прослѣдовала далѣе и, 11-го іюля, на разсвѣтѣ, нечаяннымъ нападеніемъ сбила шведскіе караулы у Митау, и ворвалась въ городъ. Шведы едва успѣли отойти въ замокъ, потерявъ 9 знаменъ, 2 пушки, 4 мортиры, 8 офицеровъ и 50 солдатъ⁶⁶.

13-го іюля конница была уже обратно въ нашемъ лагерѣ.

Между тѣмъ, Левенгауптъ, уже знавшій о движеніи Шереметева, при первомъ извѣстіи о нападеніи Боура, бросился изъ

деревни Жагоры съ конницей къ Митау. Русскихъ и слѣдъ про-
стыль. Въ огорченіи возвратился Левенгауптъ къ пѣхотѣ и сталь
при Муръ-Мызѣ, или Гемауертгофѣ, на рѣкѣ Шветѣ, впадающей
въ Аа⁶⁷. „14-го іюля“, сказано въ Журналѣ⁶⁸: „Шереметевъ со
всѣми полками отъ той рѣки (Нементъ) пошелъ на самаго Левен-
гаупта, который стоялъ подъ Мурю-Мызою“.

„Увѣдавъ отъ посланнаго своей партіи, что непріятель стоитъ
обозомъ зѣло въ крѣпкомъ мѣстѣ, имѣя въ тылу лѣсъ, съ кры-
льевъ рѣчку съ лѣсами же и болотами, по сказкѣ языковъ въ 8000,
а по извѣстію курляндцевъ въ 10000, фельдмаршалъ Шереметевъ
собралъ воинскую думу, которая положила: хотя у насъ было рав-
ное войско, однакожъ идти и атаковать непріятеля, не смотря на
крѣпкое его положеніе⁶⁹. Выступивъ рано утромъ 15-го іюля⁷⁰
„и перешедъ 3 мили“, около 3 часовъ пополудни, передовые части
остановились въ виду шведскихъ карауловъ. „Управля полки къ ба-
талии, по обычаю, въ двѣ линіи, и пополудни, съ 5-го часа, при-
шли съ тою линією до самаго непріятеля къ Мызѣ-Мурѣ⁷¹. Не-
пріятель по осмотру г.-л. Розена стоялъ въ крѣпкомъ мѣстѣ подлѣ
лѣсу и въ лѣсу за рѣкою. Рѣшено было до утра слѣдующаго
дня боя не начинать, какъ за позднимъ временемъ, такъ и утомле-
ніемъ пѣхоты; но, дабы непріятеля изъ крѣпкаго мѣста выманить,
велѣно г. Розену съ бригадою драгунъ Боура идти за рѣку и по-
чевать въ полѣ, у Муръ-Мызы. Еще Шереметевъ съ Боуромъ о-
сматривали непріятельскую позицію, какъ прибѣжалъ Кропотовъ и
говорить, что шведы уходятъ и, не дождався указу, побѣжалъ
къ своей бригадѣ; и, покинувъ порядокъ, и пѣхоту, такожь
и Игнатевъ, пошли на непріятеля“. Видя это, и не имѣя уже
возможности остановить атакующихъ, Шереметевъ рѣшаетъ про-
должать дѣло: немедленно выдвинута впередъ бригада Боура, а
генералъ Розенъ посланъ на лѣвый берегъ рѣки, дабы руково-
дить боемъ.

Стремительная, но безстройная, и старымъ обычаемъ про-
изведенная атака нашей кавалеріи увѣнчалась временнымъ успѣ-
хомъ: шведская конница побѣжала, а Левенгауптъ съ пѣхотою
отступилъ къ лѣсу. Драгуны наши, вмѣсто того, чтобы дождать-
ся пѣхоты и вмѣстѣ съ ней атаковать непріятельскую пѣхоту,

ударилась грабить обозъ; тѣмъ временемъ, утомленный продолжи-тельнымъ походомъ, спѣшилъ къ мѣсту боя Ланга полкъ.

Вскорѣ, на встрѣчу намъ, изъ лѣсу вышла шведская пѣхота и конница. „И учинился бой превеликій, изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья, котораго было до самой ночи, и хотя наши по достоинству своему крѣпко стояли, но принуждены уступитъ“. Такимъ короткимъ опредѣленіемъ ограничивается журналъ. Шереметевъ, описывая столкновение пѣхоты, поведеніе которой въ бою 15-го іюля, судя по всѣмъ даннымъ, было безупречно, рѣзко осуждаетъ дѣйствія драгунъ—до и послѣ боя. Великій нашъ Царь ни однимъ словомъ не упрекнулъ пѣхотныхъ полковъ, а въ этомъ отношеніи Онъ былъ безпощадець и, главное, безпристрастенъ. Принужденная уступить подъ напоромъ сильнаго врага, пѣхота, въ этотъ рѣшительный моментъ, лишилась поддержки кавалеріи, которая первая побѣжала съ поля.

Отступленіе началось съ наступленіемъ ночи, дабы уменьшить потери. Подъ напоромъ многочисленной шведской конницы жутко пришлось нашимъ молодцамъ. Этотъ періодъ боя былъ самымъ тяжкимъ для полка Ланга, въ ряды котораго съ бою не явилось: 11 офицеровъ и 532 урядниковъ и солдатъ⁷². 13 пушекъ, брошенныхъ при отступленіи, достались на другой день шведамъ⁷³. Съ началомъ отступленія перебиты были въ обозѣ нашемъ всѣ шведскіе плѣнные, взятые при Митавѣ, „дабы они къ неприятелю паки не возвратились“⁷⁴.

Неудачное дѣло подъ Муръ-Мызою не имѣло, да и не могло имѣть, никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій; оно такъ и осталось, по выраженію Петра, не болѣе какъ, печальнымъ случаемъ“.

„Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть“, писалъ Государь Шереметеву, „понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу; забудьте, но паче людей ободрите“⁷⁵. Но для Ланга полка послѣдствія злополучнаго 15 іюля остались навсегда не поправимы: въ этотъ день, на баталіи, пропали всѣ полковые книги, вѣдомости и записки⁷⁶. Такимъ образомъ, точныя обстоятельства сформированія полка, данныя для оцѣнки его первыхъ

шаговъ на службѣ Царю и Россіи, останутся для насъ навсегда не разъясненными.

Отступая послѣ боя, остатки полка, 19-го іюля, прибыли въ Биржу⁷⁷, откуда отправлено съ г.-а. Чертковымъ первое донесеніе Государю о боѣ. Въ отвѣтъ на донесеніе писалъ Петръ Шереметеву:⁷⁸ „несчастный случился отъ небрежнаго обученія драгунъ, о чемъ я многожды говаривалъ. Выбравъ добрую партію, достать языковъ. Сами съ прочими стойте у Биржъ. Которые съ бою ушли, покинувъ свою должность, учинить по воинскимъ правамъ“. Приказъ этотъ засталъ полкъ въ Оникштахъ, гдѣ находились наши обозы, и куда мы прибыли 25-го іюля. Слухи о значительныхъ потеряхъ Левенгаупта въ бою подъ Муръ-Мызою вызвали вторичное предписаніе:⁷⁹

„Иди, какъ можно скорѣе, и, съ Божьею помощію, конечно, отрѣзать непріятеля отъ Риги“.

Отправивъ въ Полоцкъ раненыхъ, и кое какъ устроившись, и оправившись, полкъ, 2-го августа, выступилъ обратно въ Биржи, куда, 6-го августа, прибылъ изъ Вильно самъ Государь съ Преображенскимъ полкомъ, а вслѣдъ за нимъ дивизія Репнина⁸⁰.

Задача данная кавалеріи Шереметева выполнена однакожь не была: Левенгауптъ успѣлъ пробраться за Двину къ Ригѣ къ большому неудовольствію Царя, который писалъ Головинну:⁸¹ „мы здѣсь великое несчастіе имѣемъ, понеже господинъ Левенгауптъ яко Нарцизь отъ Эхо отъ насъ удаляется“. Повелѣвъ Шереметеву стеречь шведовъ на лѣвомъ берегу Двины, Петръ, 14-го августа, выступилъ изъ Биржъ въ Митаву.

Въ походѣ этомъ принялъ участіе Ланга полкъ, но въ какомъ составѣ чиновъ неизвѣстно. Въ митавскомъ замкѣ находилось мѣнѣе 1000 шведовъ подъ начальствомъ коменданта Кнорринга. Они рѣшили обороняться. Надлежало вести осаду. Въ каждомъ баталіонѣ заготовлено по 200 туровъ и по 600 фашинъ для атаки⁸². Въ первые дни осада ведена была слабо за недостаткомъ артиллеріи, когда-же прибыли пушки, въ ночь на 28-го августа заложена была первая паралель. На другой день, пользуясь обычнымъ полуденнымъ сномъ русскихъ,⁸³ шведы произвели стремительную

вылазку, достигли даже частнаго успѣха, захвативъ наши окопы, откуда однако были выбиты. Къ 1-му сентября осадныя батареи были готовы. Роты полка Ланга поочередно съ другими занимали въ нихъ караулы и, болѣе или менѣе, подвергались опасности. Бомбардированіе заставило коменданта согласиться на сдачу. 4-го сентября заключена капитуляція, а на другой день мы заняли замокъ. Участъ Митау не замедлила постигнуть и замокъ города Боуска, шведскій гарнизонъ котораго, въ числѣ 500 человекъ, сдался военно-плѣнными 14-го сентября.

О Митавѣ писалъ Петръ Рамодановскому:⁸⁴ „сіе мѣсто великой есть важности, понеже непріятель отъ Лифландъ уже весьма отрѣзанъ, и намъ въ Польшу походъ безопасенъ есть“. За два дня до сдачи Боуска Государь выѣхалъ изъ Митавы въ Гродно, пославъ предварительно повелѣніе фельдмаршалу Огильви, идти со всей арміей туда же „для управленія солдатамъ зимовыхъ квартиръ“⁸⁵.

Вслѣдъ за Царемъ ушла и большая часть войскъ, бывшихъ въ Курляндіи, а съ ними и одинъ баталіонъ Ланга полка; другой баталіонъ съ командиромъ полка сталъ лагеремъ у Митавы въ полѣ и, совмѣстно съ баталіонами отъ полковъ Бутырсаго, Балка и фельдмаршала Огильви, находился подъ общимъ начальствомъ полковника и бригадира Николая Балка.

По дошедшей до насъ табели, въ баталіонѣ полка Ланга, въ то время, числилось на лицо: офицеровъ 13, урядниковъ и рядовыхъ 352.⁸⁶ О потеряхъ при осадѣ Боуска и Митавы ничего не извѣстно, но, во всякомъ случаѣ, онѣ значительными быть не могли. Намъ удалось найти свѣдѣніе объ одномъ только раненомъ на вылазкѣ подъ Митавою—капралѣ Москалевѣ. Кромѣ частей бывшихъ въ полѣ, въ гарнизонѣ Боуска находились винныя роты, т. е. штрафованныя за Муръ-Мызское сраженіе, изъ баталіоновъ полка Ланга и Шанобека въ числѣ: 1 поручика, 1 прапорщика и 82 урядниковъ и рядовыхъ солдатъ. Задача войскъ, оставленныхъ въ Курляндіи, заключалась въ наблюденіи за корпусомъ генерала Левенгаупта и въ удержаніи отнятыхъ у шведовъ укрѣпленныхъ замковъ.

Когда, такимъ образомъ, одна часть полка оставалась въ Курляндіи, другая спѣшила изъ Митавы въ Гродно. Пройдя Ковно,

получилось приказаніе—усилить маршъ. Переходы стали большіе, отсталыхъ сажали верхомъ на обывательскихъ лошадей. Обозы отстали, а заготовленный въ Ковно провіантъ не успѣли перепечь въ сухари. Государь строго требовалъ, чтобы войска ничего не брали у обывателей безденежно; пришлось платить даже за хлѣбъ⁸⁷. Платили, конечно, пока было возможно, но бѣда въ томъ, что денегъ въ казнѣ было мало. Пока написали въ Москву, пока оттуда отправили казну мѣдными деньгами на большомъ числѣ подводъ, наступила осенняя распутица. Солдаты терпѣли большой недостатокъ. Переходы совершались верстъ по 45 и болѣе безъ дневокъ. Движеніе затруднялось беспорядочнымъ устройствомъ обозовъ. Каждый солдатъ имѣвшій какое нибудь имущество, а такихъ было весьма много, шелъ при своей повозкѣ и заботился о ней больше нежели о томъ, чтобы не отставать отъ своей части. Когда прибылъ баталіонъ въ Гродно положительно сказать нельзя, но къ 4-го ноября 1705 года онъ находился уже на мѣстѣ сосредоточенія всей русской арміи.⁸⁸

Городъ Гродно лежитъ на правомъ берегу р. Нѣмана, на холмахъ. Вокругъ города въ теченіи осени возведены были обширные укрѣпленія; онѣ состояли изъ высокаго бруствера, прикрытаго широкимъ ровомъ и обороняемаго многочисленной артиллеріей; на многихъ мѣстахъ находились штурмовыя бочки. Предмѣстья были сожжены. Внутри города, близъ самаго вала, расположились, подъ общимъ начальствомъ короля польскаго Августа II, русскія войска; фельдмаршалу Огильви повелѣно было во всѣхъ дѣлахъ ему быть послушнымъ⁸⁹.

Въ Польшѣ продолжала царить кровавая междуусобица. Король польскій и курфирстъ саксонскій Августъ II лишень былъ престола Карломъ XII; оставшіеся вѣрными королю саксонскіе и польскіе войска разбиты; въ Варшавѣ коронованъ приверженець Карла—Станиславъ Лещинскій. Было очевидно, что Швеція, справившись съ польскими дѣлами, всѣ силы свои броситъ на Россію. „Увязнутіе“ Карла XII въ Польшѣ, такъ нравившееся Государю, повидимому, должно было кончиться. Въ томительномъ ожиданіи, что предпримутъ шведы, проводилъ полкъ время у Гродно на позиціи „зѣло крѣпкой и безопасной“. „Надѣйтесь на это мѣсто“,

писалъ Меншиковъ Государю⁹⁰ „непріятелю придется доставать его развѣ бомбардированіемъ, какъ самый крѣпкій транжамснтъ“.

Между тѣмъ, наступила зима. Возможность продолженія военныхъ дѣйствій была весьма мало вѣроятна. Государь отправился въ Москву. Но Карлъ XII обмануль эти расчеты. Выждавъ зимняго пути, когда замерзли рѣки, онъ быстро, въ жестокіе морозы, двинулся отъ Варшавы къ Гродно и въ двѣ недѣли очутился съ береговъ Вислы на Нѣманѣ. Застигнутая въ распахъ русская армія едва успѣла собраться въ Гродно, какъ, 13 января 1706 года, шведы уже показались въ виду города, на лѣвой сторонѣ Нѣмана. Съ изумительной смѣлостью переправившись черезъ рѣку, Карлъ XII, утромъ 15-го января, подступилъ подъ самые верки Гродно. Въ ожиданіи приступа, съ ружьемъ у ноги, провелъ баталіонъ весь день въ окопахъ, артиллерія поддерживала рѣдкій огонь.⁹¹

Признавъ невозможнымъ взять городъ открытой силой, Карлъ приступилъ къ блокадѣ. Бѣдныя деревушки вокругъ Гродно не могли однако служить пристанищемъ для шведовъ. Расширая все больше и больше раіонъ блокады, король шведскій остановился наконецъ въ Желудкѣ, верстъ за 70 отъ Гродно. Сильныя партіи шведовъ стерегли всѣ дороги къ русской арміи и отбивали провіантъ. Извѣстіе объ этихъ событіяхъ застало Петра въ Москвѣ: откуда онъ, не смотря на свою болѣзнь, тотчасъ выѣхалъ въ армію. Въ Дубровѣ Царь узналъ, что всѣ пути къ Гродно пересѣчены, что войска находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи, что король Августъ съ частью кавалеріи покинулъ армію⁹².

Глубоко огорченный Государь писалъ Реннину:⁹³ „О зѣло намъ печально, что не могли къ вамъ доѣхать! И въ какой мысли мы нынѣ есть, единому Богу извѣстно“.

Дѣйствительно, положеніе нашего отечества было отчаянное: армія отрѣзана и окружена врагами, границы государства открыты; мятежъ въ Астрахани принималъ угрожающіе размѣры. Не лучше были дѣла и на сѣверѣ. Левенгауптъ подошелъ почти къ самому Пскову; шведы „зѣло“ утѣсняли Юрьевскій и Псковскій уѣзды. Движеніе шведовъ въ Курляндію, повидимому, было причиною такой продолжительной стоянки нашего баталіона

у Митавы, на что еще въ началѣ января жаловался Огильви Государю.⁹⁴ Въ настоящее время мало еще выяснена дѣятельность нашихъ войскъ въ Курляндіи зимою 1705/6 г. Изъ писемъ Петра Великаго А. Д. Меншикову⁹⁵ видно, что наступленіе Левенгаупта къ Пскову не было простымъ набѣгомъ.

Не смотря на тяжелыя обстоятельства, не ослабѣвала однако энергія Царя-Исполнина. Потерявъ послѣднюю надежду на помощь саксонскаго корпуса, разбитаго шведами въ началѣ февраля при Фрауштадтѣ, и зная о большой скудости провіанта и фуража въ Гродно,⁹⁶ Государь отдалъ слѣдующій приказъ:⁹⁷

„Въ Гродно дѣлать нечего, а немедленно выходить оттуда, по которой дорогѣ способнѣе, и гдѣ ближе лѣса. Когда Нѣманъ вскрыется, тотчасъ, не мѣшкая, перейти его, по заранѣе изготовленному мосту и двинуться лѣвымъ берегомъ; непріятелю за льдомъ нельзя будетъ нигдѣ переправиться, а вамъ вытти будетъ зѣло свободно“.

„Полковыхъ пушекъ взять съ собою сколько возможно (въ чемъ зѣло смотрѣть, чтобы не отяготиться: брать зѣло мало, а по нуждѣ, хотя и все покинуть); тяжелую же артиллерію и проч., чего нельзя увести, бросать въ воду, не взирая ни на что, только бы людей спасти. Отонедь отъ Гродно миль 10, или какъ случится, когда начнутся крѣпкія мѣста, именно лѣсъ, раздѣлить всю армію на баталіоны, или полки, какъ лучше, и учредить походъ разными дорогами, по которымъ разверстать все войско, чтобъ шло врознь, для избѣжанія непріятельскаго нападенія всею силою, причемъ, легче ему выиграть, нежели потерять; если же войско наше будетъ въ разницѣ, непріятелю нельзя будетъ атаковать всею арміею; развѣ нападетъ на одинъ баталіонъ, или полкъ, и хотя его сокрушить, въ чемъ буди воля Божія, однакожь, не всѣ-въ атакѣ будутъ“.

„Выступить изъ Гродно надлежитъ зѣло тайно, такимъ образомъ: прежде всего поставить караулъ такой крѣпкій, чтобы изъ жителей никто не могъ не только вытти, даже выползть; въ то время собраться, какъ возможно скоро и тайно; полковые пушки приготовить къ походу, прочія же держать на ихъ мѣстахъ. Потомъ,

когда выступать, всѣмъ солдатамъ вдругъ взять пушки съ транспорта и, спустивъ съ горы, бросить въ проруби, послѣ чего тотчасъ выходить.“

„Сей походъ учинить съ вечера и не поздно, чтобы ночью осталось больше времени для перехода до крѣпкихъ мѣстъ, и зѣло стараться, чтобы открытыя поля перейти ночью“.

Огильви былъ того мнѣнія, чтобы въ Гродно простоять цѣлое лѣто, но Царь и слушать не хотѣлъ, а 12-го марта послалъ рѣшительный указъ выступать и идти—или на Брестъ, или между Брестомъ и Пинскомъ „и, какъ можно, сперва скоро пойтить, чтобъ зайти за рѣку Припеть, которая зѣло есть болотистая, а тамъ можно по волѣ—къ Киеву, или Чернигову итти“. Въ концѣ Петръ говоритъ: „сіе писаніе оканчиваю тѣмъ, что перваго разлитія водъ не пропускайте, но, съ Божіею помощію, выходить. Если же по сему не учините, и до травъ стоять станете, то сіе дѣло уже не за добраго слугу, но за непріятеля почтено будетъ“.⁹⁸

22-го марта тронулся на Нѣманъ ледъ. Мостъ на лѣвый берегъ, заблаговременно построенный, уцѣлилъ и, въ тотъ же день, большие всѣхъ полковъ вывезены въ Тикоцинъ (2900 ч.)

23-го марта полученъ въ полкахъ приказъ:⁹⁹ „подъ потеріемъ телѣгъ и лошадей, никакой офицеръ впереди, или позади полка, воровъ не имѣлъ, но, послѣ полуночи, по восходѣ мѣсячномъ, черезъ Сидру и Тикоцинъ шли бы, и тамъ Нарову перешедъ, и денно и ночью поспѣшили маршемъ, показаннымъ трактомъ отъ тикоцинскаго коменданта. Никтобъ тягчѣ на возы не накладывалъ, какъ лошадь везти можетъ, дабы, по послѣдней мѣрѣ, лошади могли идти 4 дня и 4 ночи, и чтобъ не пристали.“

„Чтобъ отнюдь въ одной телѣгѣ одной лошади не было впряжено, но по 2 и по 3, и того ради, каждый со своими багажи, купно сносить, а лишнее бы покидали. При полку бы никакихъ телѣгъ, кромѣ что съ рогаточными брусьями и артиллеріей телѣги, не имѣли.“

„Ко всѣму обозу посылать со всякаго баталіона по солдату, да сверхъ того одного поручика съ тремя капралами для остереганія и способствованія.“

„Подъ потеряніемъ живота стрѣляніе и пьянство заказывается“.

„Каждому солдату для похода сѹхари раздать, какъ несть на себѣ, къ тому же и ручной гранатъ.“

„Всѣмъ къ походу быть готовымъ на всякій часъ.“

24-го марта, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, выступили войска изъ Гродно, устроенные въ порядкѣ къ баталіи въ 2 линіи и стали бивакомъ на лѣвомъ берегу Нѣмана.¹⁰⁰ Послѣдними распоряженіями передъ походомъ были: „1) заказать, дабы ни въ какомъ мѣстѣ великаго огня и дыму не дѣлали и, ни днемъ, ни ночью, не стрѣляли, и чтобы одинъ высшій офицеръ на каждый часъ по полку ѣздилъ и вешенісанное запрещалъ; 2) понеже въ полкахъ подъ пушки лошади зѣло худы и не пойдутъ $\frac{1}{2}$ мили, а у офицеровъ, а также къ Преображенскомъ полку подъ сѣномъ и багажемъ и подъ бездѣльными вещами лошади добры, того ради, для услуги Его Царскаго Величества, и для такого знатнаго отступленія, тѣ лошади всѣ отобрать у офицеровъ, несмотря ни на кого. И тѣ лошади подиречь подъ пушки, понеже легче офицерскіе убытки, нежелибъ трупы (войска) Царскаго Величества згибли.“

Въ 10-мъ часу пополудни, 25-го марта, полки пошли отъ Гродно и „отшедъ 2 мили ночевали въ бору.“¹⁰¹ Пройдя 27-го марта Соколку, вся армія ночевала въ бору и, на другой день, на походѣ, была осмотрѣна Меншиковымъ. 29-го марта полкъ нашъ пришелъ въ Тикоцинъ, гдѣ получено приказаніе „дабы каждый офицеръ, на всякій день, смотрѣлъ свою роту по утру и вечеру, и никтобъ отъ своего мѣста не отлучался подъ жестокимъ штрафомъ.“ 3-го апрѣля полкъ ночевалъ у деревни Нехале, не доходя $1\frac{1}{2}$ мили до Бреста, а на другой день вступилъ туда съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами. Въ Брестѣ за рѣкою Буй (Бугъ) простояли до 6-го апрѣля.

За Бугомъ русскіе были въ полной безопасности. Шведы спохватились, но уже было поздно. Наведенный Карломъ XII мостъ на Нѣманѣ, при м. Орлѣ, былъ снесенъ ледоходомъ. Разбушевавшаяся рѣка мѣшала возстановить переправу и, когда, наконецъ, къ 3-го апрѣля, это стало возможно — мы были уже въ Брестѣ.

Несмотря на потерю нѣсколькихъ дней, шведы бросились на югъ все еще надѣясь перерѣзать намъ путь. А, между тѣмъ, отступление продолжалось безостановочно. Въ началѣ апрѣля мы уже достигли Ковеля. Въ городѣ этомъ соединились разрозненные до сихъ поръ баталіоны Лапга полка. Спасая армію своими геніальными распоряженіями, Царь, еще въ январѣ, одновременно съ предположеніемъ оставить Гродно, писалъ Меншикову:¹⁰² „митавское войско по подорваніи замковъ обоихъ къ себѣ привлечь“. Выступивъ изъ Курляндіи въ концѣ января, 1-й нашъ баталіонъ къ 13 марта былъ уже въ Минскѣ, гдѣ, подъ наблюденіемъ Царя, собиралась изъ разныхъ мѣстъ пѣхота.¹⁰³ Изъ Минска сборные баталіоны двинулись на соединеніе съ главной арміею подъ общимъ начальствомъ Меншикова. Въ Ковелѣ 14-го числа Меншиковъ произвелъ смотръ; каждому солдату дано по полтинѣ, „да имъ же былъ погребъ и провіантомъ удовольствованы, и на баталіонъ дано по одной рогатой скотинѣ“. На походѣ къ Ковелю отданъ приказъ, дабы у всѣхъ генераловъ обычные караулы были съ убавкою передъ прежнимъ для расхода въ полкахъ людей, причемъ не отъ всѣхъ полковъ бригады, а только отъ одного. Изъ Ковеля выступили 15-го апрѣля, направляясь къ Луцку, куда прибыли 18-го числа, перейдя въ бродъ рѣку Стырь. Пушки перевезены на плотахъ, а обозы пущены въ объѣздъ за 3 мили къ мостамъ.

Тяжелъ былъ этотъ форсированный, на сотни верстъ, переходъ. Весьма естественно, что даже въ арміи болѣе выдержанной и болѣе опытной нежели была петровская могли появиться признаки упадка дисциплины и разстройства. Еще 7-го апрѣля повелѣно было подъ жестокимъ штрафомъ солдатъ врознь не распускать, обидъ и разоренія никому не чинить, а уже 19-го апрѣля читаемъ въ приказѣ: „каждый офицеръ своей роты, собравъ сержантовъ и капраловъ, сказалъ-бы, дабы они объявили солдатамъ яственно, понеже многажды имъ приказано, чтобы отъ строю отнюдь не оставали, и въ стороны не отлучались, и обывателямъ обидъ не чинили, но тотъ указъ презирають; чего ради, нынѣ устроенъ будетъ офицеръ, вмѣсто генераль-гевальдигера, при которомъ будетъ 30 человекъ солдатъ и палачъ, которому велѣно смотрѣть позади,

и по сторонамъ, и вышеставленныхъ ослушниковъ ловить и вѣшать, а которыхъ они ротъ и капральствъ и тѣхъ ротъ сержанты и капралы, бивъ вкнутомъ, сосланы будутъ на каторгу вѣчно, а офицерамъ по артикулу штрафъ.“

27-го апрѣля впервые въ полку подлинно узнали, что непріятель, выславъ впередъ кавалерію, идетъ за нами со всей своей арміею. Извѣстіе это объявлено „для лучшаго остереганія, чтобы непріятелю не было какой утѣхи надъ нами.“ Но „утѣхи“ быть не могло. Въ странѣ покрытой болотами, съ наступленіемъ весны, все растворилось. Съ неимовѣрными лишеніями, едва двигались шведы и, окончательно, на цѣлыхъ два мѣсяца, застряли въ пясковыхъ болотахъ, довольствуясь истребленіемъ городковъ, преданныхъ Августу.

Опустошивъ Полѣсье, Карлъ XII появился на Волыни, но отъ Луцка, въ началѣ іюля, пошелъ обратно на западъ въ Саксонію. Не зная еще о намѣреніяхъ непріятеля, войска спѣшили къ Кіеву, и въ теченіи 6-го и 7-го мая полки собрались у м. Бѣлогородка, въ 3 миляхъ отъ Кіева. Отсюда, для нуждъ офицерскихъ и солдатскихъ, разрѣшено было отпускать въ Кіевъ офицеровъ по трети отъ полка, на 2 дня, съ письмами за руками генеральскими. 8-го мая, отъ Бѣлогородка, полки перешли въ Кіевъ и стали лагеремъ близъ города.

Запасшись провіантомъ и отдохнувъ немного отъ тяжелаго похода, 20-го мая, мы выступили изъ Кіева и, отойдя 3 мили, ночевали на берегу Днѣпра у Межерскаго (?) монастыря. На другой день переправились черезъ Днѣпръ и двинулись къ Чернигову, куда прибыли 28-го мая. 30-го мая, на полѣ, близъ города, состоялся парадъ. Послѣ торжественной службы въ соборной городской церкви гетманъ Мазепа въ коляскѣ съ кн. Меншиковымъ подъѣхалъ къ выстроеннымъ полкамъ. Генералы: кн. Репнинъ и Алартъ, съ обнаженными шпагами, объявляли гетману имена полковъ, причемъ войска отдавали достойную часть, и палили изъ пушекъ два, а изъ мелкаго оружья, всею арміею, три раза.¹⁰⁴

Изъ Чернигова армія направилась было къ Гомелю, куда въ концѣ іюня ожидали Петра, но полученныя тревожныя извѣстія

отъ кievскаго губернатора заставили измѣнить это предположеніе. Губернаторъ доносилъ, что шведскій король черезъ рѣку Стырь переправился и, конечно, идетъ къ Кіеву. Въ Кіеву приказано было сдѣлать всѣмъ войскамъ.¹⁰⁵

На обратномъ пути у слободы Кренбѣцкой, 27 іюня, полкъ удостоился представиться Великому Царю.¹⁰⁶ „Полки поставлены были въ 2 линіи: первая—напередѣ выше писанной слободы, другая—назадѣ. Его Величество изволилъ ѣхать къ первой и другой линіи. Генераль отъ пѣхоты ѣхалъ съ обнаженною шпагою, а бригадиры стояли при своихъ бригадахъ и отдавали достойную честь; и знамена распустили склонялись съ барабаннымъ боемъ. Потомъ палили изъ пушекъ, изъ мелкаго ружья, обѣ линіи, одинъ разъ“.

Къ 8-му іюля полкъ Ланга былъ уже въ Кіевѣ и здѣсь, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, присутствовалъ при закладкѣ рукою Великаго Преобразователя Россіи новой Кіевской фортеціи.¹⁰⁷ Между тѣмъ, получены были достовѣрныя извѣстія, что непріятель, оставивъ Волынь, двинулся въ Саксоцію. Можно было на время и вздохнуть свободнѣе. Въ Кіевѣ провелъ полкъ остальные лѣтніе мѣсяцы 1706 года, занимаясь нѣсколько опустившейся за время похода фронтальной службой, да приведеніемъ въ порядокъ оружія, обозовъ, аммуниціи и пополненіемъ значительной убыли въ рядахъ.

Вопросъ объ оружіи составлялъ самое большое мѣсто. Какъ видно, войска вооружались въ то время даже собираемыми шведскими фюзелями,¹⁰⁸ что увеличивало и безъ того большую разнокалиберность оружія, доходившую въ полкахъ до 6 разныхъ калибровъ.¹⁰⁹

Недостатки исправлялись и, кажется, довольно успѣшно, ибо самъ Царь оставался доволенъ, сообщая Меншикову изъ Кіева:¹¹⁰ „пѣхота только малую скудность въ ружье имѣетъ, а впрочемъ во всемъ исправлена, и чаю никогда такой не бывала.“ Къ 10 августа Ланга полкъ былъ настолько уже укомплектованъ (1184 ч.), что въ добавку понадобилось только всего 16 строевыхъ чиновъ.¹¹¹

Въ Кіевѣ продолжали мы выжидать разъясненія обстановки. Отступленіе непріятеля, походъ шведовъ въ Саксоцію, все это ка-

казалось мало вѣроятнымъ. Даже самъ Царь полагалъ—не чинять ли этого шведы „ради обману, чтобъ, отманя нашихъ далѣе, отрѣзать отъ рубежей“.¹¹² Но обману не было. Карлъ XII рѣшилъ окончательно покончить съ польскими дѣлами въ нѣдрахъ Саксоніи. Незная еще о безчестномъ поступкѣ Августа II, какимъ былъ заключенный имъ миръ съ королемъ шведскимъ, Государь рѣшилъ оказать диверсію полякамъ. Вскорѣ получился приказъ двигаться въ предѣлы Польши. 19-го сентября выступилъ Ланга полкъ изъ Кіева, направляясь въ Дубно.¹¹³ У этого послѣдняго пункта, да у Острога, собралась и стала по квартирамъ вся русская армія. Изъ вѣдомости о составѣ солдатскихъ полковъ къ 14 декабря видно, что въ полку нашемъ числилось въ то время 1220 ч. строевыхъ, но изъ нихъ на лицо только 801 человекъ.¹¹⁴ Полковника Ланга при полку не было. Въ приведенной же вѣдомости, впервые, встрѣчаемъ отмѣтку о полковыхъ пушкаряхъ, которыхъ у насъ состояло 6 человекъ.

Организація полковой артиллеріи находится въ тѣсной связи съ организаціей пѣхоты. Въ 1700 году на каждый пѣхотный полкъ полагалось двѣ 3-хъ фунтовыя пушки. Ко времени сраженія подъ Муръ-Мызою (1705), осады Нарвы и Митавы, на каждый баталіонъ полагалось по 2 пушки и по одному зарядному ящику на пушку. Вслѣдствіе ли неудобствъ отъ стѣсненія походныхъ движеній пѣхоты съ артиллерією, что обнаружилось при отступленіи изъ Гродно, или же по другимъ причинамъ, но число пушекъ на полкъ было уменьшено, а именно—даны двѣ 3-хъ фунтовыя пушки на полкъ. 3-хъ фунтовая пушка вѣсила 24 пуда 33 фунта безъ лафета. Орудіе имѣло дальность, при стрѣльбѣ ядромъ, до 500 шаговъ; стрѣльба производилась ядрами и картечью, хотя есть указанія, что стрѣляли и гранатами.¹¹⁵ Полковыя пушки находились непосредственно при полкахъ и предназначались для усиленія огня пѣхоты, особенно картечью. На походѣ онѣ шли непосредственно за авангардомъ, а въ лагерь становились по флангамъ полка.

Остается еще коснуться вопроса о командировкѣ полковника Ланга, 11 офицеровъ и 339 нижнихъ чиновъ, что составляло почти цѣлый баталіонъ. Объясненіе этой командировки можно найти только въ событіяхъ, разыгравшихся въ далекой Саксоніи и Польшѣ.

„По первой вѣдомости о походѣ короля шведскаго въ Саксонію“, пишетъ Государь въ Исторіи Свейской войны, „въ августѣ 1706 года, отправленъ генераль Меншиковъ съ кавалеріей въ Польшу, на помощь королевскому величеству и Рѣчи Посполитой.“

Но отрядъ Меншикова состоялъ не только изъ одной кавалеріи. Изъ письма Меншикова Царю, отъ 7-го сентября 1706 года, видно, что въ началѣ этого мѣсяца, на Волыни, близъ города Дубно, сосредоточенъ былъ отрядъ въ 80 эскадроновъ съ нѣкоторой частию пѣхоты, надъ которымъ Меншиковъ принялъ главное начальство, осматрѣлъ полки, нашелъ ихъ въ добромъ порядкѣ, и повелъ въ Польшу.

Присутствіе части Ланга полка съ его командиромъ въ отрядѣ Меншикова несомнѣнно и подтверждается показаніемъ поручика Павла Попова, бывшаго съ полковникомъ Лангомъ на Калишской баталіи.¹¹⁶ Полковникъ Лангъ, какъ саксонецъ, имѣлъ много данныхъ быть зачисленнымъ въ отрядъ, предназначенный для операціи въ этой странѣ. Отрядъ Меншикова быстро шелъ впередъ по направленію къ Познани. „Въ походѣ своемъ, а наипаче въ пѣхотныхъ полкахъ, болѣе всего извольте смотрѣть, чтобы непріятель не отрѣзалъ отъ рубежей нашихъ“, предупреждалъ Петръ, „по письмамъ, онъ не ради Саксоніи удалился, а ради обману, чтобы, отманя далѣе, нашихъ отрѣзать.“

Въ Люблинѣ соединился съ русскими польскій король Августъ II, а 4 октября отрядъ прибылъ въ Петроковъ. Шведскій генераль Мердерфельдтъ занималъ сильную позицію у Калиша за рѣкою Просною и на ней, 18-го октября, былъ атакованъ соединенными русскими и польскими войсками. Битва продолжалась не болѣе 3-хъ часовъ и завершилась полной побѣдой союзниковъ. Болѣе 4 тысячъ шведовъ легло на мѣстѣ; въ числѣ плѣнныхъ находился самъ г. Мердерфельдтъ. Участіе пѣхоты въ Калишскомъ бою могло быть самое ограниченное.

Извѣстіе о побѣдѣ у Калиша несказанно обрадовало Государя. „Всѣмъ генераламъ, офицерамъ и рядовымъ, которые при томъ были, поздравляю и весьма желаю, Боже! Дай вамъ наивыще сего въ оружіи счастья“, писалъ Петръ Меншикову.

Имѣется свѣдѣніе, что офицеры, бывшіе при Калишѣ, награждены золотыми медалями съ царскимъ портретомъ.¹¹⁷ Непродолжительна однако была радость Царя. Вскорѣ стало извѣстно, что Августъ II-ой измѣнилъ союзу съ Россіей и заключилъ съ Карломъ XII Алтранштадскій миръ. Измѣна эта поразила всѣхъ. Естественно являлся вопросъ: чѣмъ закончится до крайности запутанное положеніе? что рѣшить Петръ? который, къ великой радости войскъ, пріѣхалъ изъ С.-Петербурга въ армію 28-го декабря.

